

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: АД НА ЗЕМЛЕ»

МАКС ХЕЙСТИНГС ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КАТАСТРОФА 1914 ГОДА

АНФ

Макс Хейстингс

**Первая мировая война.
Катастрофа 1914 года**

«Альпина Диджитал»

2013

Хейстингс М.

Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / М. Хейстингс — «Альпина Диджитал», 2013

Каждая книга крупного историка и писателя сэра Макса Хейстингса становится событием. Автор известен скрупулезным подходом к исследованиям, использованием огромного количества источников и прекрасным стилем. Британец по происхождению, он неизменно неpolitкорректен по отношению к глупости своих и чужих военачальников. К ошибкам, просчетам и самодовольству политиков, приводящих человечество к аду на земле, как это было в 1914-м, одном из самых кровавых в мировой истории. В канун столетия Первой мировой войны Макс Хейстингс рассматривает причины катастрофы, называя основными виновницами конфликта Германию и Австро-Венгрию. Перед нами разворачивается величественное батальное полотно на Западном и Восточном фронтах. Мы становимся свидетелями дипломатических переговоров и военных действий, знакомимся с сотнями свидетельств современников – от крупнейших военачальников, писателей и врачей до простых солдат, матросов и «гражданских» жителей. Яркое, динамичное повествование создает ощущение присутствия и причастности и способно захватить не только любителей исторических исследований и военных мемуаров.

© Хейстингс М., 2013

© Альпина Диджитал, 2013

Содержание

Введение	6
Хронология 1914 года	11
Организационная структура вооруженных сил в 1914 году	12
Пролог	13
1. «Что-то надвигается»	21
1. Прогресс и упадок	21
2. Военные планы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48
Примечания и ссылки на источники цитат	

Макс Хейстингс

Первая мировая война. Катастрофа 1914 года

Переводчик *Мария Десятова*

Редактор *Антон Никольский*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *Е. Аксёнова, М. Миловидова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайнер обложки *О. Сидоренко*

© Max Hastings, 2013

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

* * *

Посвящается Пенни, которая делает настоящее дело

В 1910 году преподаватель штабного колледжа британской армии бригадный генерал Генри Вильсон, считавший вероятность войны в Европе достаточно высокой, говорил, что единственным благоразумным выходом для Британии будет объединиться с Францией в союзе против Германии. На возражение одного из курсантов, что «ввергнуть в войну всю Европу способна лишь необъяснимая глупость властей», Вильсон разразился хохотом: «Ха-ха-ха! Именно так, необъяснимая глупость нас и ждет!»^[1].

«Мы входим в длинный тоннель, залитый кровью и мраком» (Андре Жид, 28 июля 1914 года)^[2].

16 августа представитель российского Министерства иностранных дел в разговоре с британским военным атташе пошутил: «Ваши вояки, должно быть, говорят нам спасибо за возможность поразмяться в небольшой безобидной войне». «Поживем – увидим, насколько она окажется безобидной», – ответил военный атташе^[3].

Введение

Уинстон Черчилль писал впоследствии: «Из всех этапов Великой войны интереснее всего начало. Размеренное, молчаливое сближение гигантских сил, неопределенность их действий, череда неизвестных, непостижимых фактов, которые привели к первому столкновению в этой непревзойденной драме. За всю Мировую войну не было сражений столь масштабных, унесших в мгновение ока такое огромное количество жизней, и не стояло на кону так много. Кроме того, поначалу наша способность удивляться, ужасаться и восторгаться еще не притупилась, опаленная долгим пожаром войны»^[4]. Подмечено верно, однако в отличие от Черчилля большинство таких же, как он, непосредственных участников событий ничего захватывающего в них не видели и были далеки от восторгов.

Из XXI века Первая мировая представляется чередой образов: траншеи, грязь, колючая проволока и окопные поэты. Самым кровавым моментом всей войны традиционно считается первый день битвы на Сомме в 1916 году. Это заблуждение. В августе 1914 года французская армия (отряды храбрых солдат в красно-синих мундирах, скачущие верхом офицеры под развевающимися знаменами, полковые оркестры, наполняющие звуками маршей идиллические окрестные пейзажи) несла беспрецедентные ежедневные потери в сражениях куда более жестоких, чем те, что последуют позже. По наиболее точным (хоть и оспариваемым) подсчетам, за пять месяцев военных действий в 1914 году французы потеряли¹ свыше миллиона человек, в том числе 329 000 убитыми. В одной роте из 82 солдат к концу августа уцелело лишь трое.

Немцы в начальный период войны потеряли 800 000 человек – в том числе погибшими в три раза больше, чем за всю Франко-прусскую кампанию. Ни на одном последующем этапе конфликта немецкая сторона не несла таких сокрушительных потерь. Августовские сражения при Монсе и Ле-Като навеки вписаны в анналы британской истории. В октябре небольшое британское войско на три недели угодило в мясорубку первой битвы при Ипре. Англичане выстояли (благодаря куда более сильной поддержке французов и бельгийцев, чем хотелось бы верить британским националистам), однако большая часть старой британской армии осталась лежать в той земле: в 1914 году погибло в четыре раза больше солдат короля, чем за три года Англо-бурской войны. Тем временем на востоке шли друг на друга стеной российские, австрийские и немецкие солдаты, считанные недели назад мобилизованные с полей, из-за прилавков и от станков. Крошечная Сербия ввергла Австрию в череду поражений, заставив пошатнуться империю Габсбургов, которая к Рождеству потеряла 1,27 миллиона человек от рук сербов и русских – то есть каждого третьего из мобилизованных ею солдат.

Многие книги о 1914 году сводятся либо к дипломатическим и политическим коллизиям, в результате которых в Европу в августе хлынули армии, либо к хронике военных событий. Я же попытался связать эти линии воедино, дать читателю хотя бы какие-то ответы на глобальный вопрос «Что произошло в Европе в 1914 году?». Начальные главы посвящены предпосылкам войны, ее завязке. Затем я описываю, что происходит на фронтах и вокруг них до самого наступления зимы, когда противостояние перерастает в патовую ситуацию, которую не удастся переломить, по сути, до самого окончания войны в 1918 году. И пусть кому-то Рождество 1914 года покажется сомнительной финальной точкой, я разделяю процитированное выше мнение Уинстона Черчилля о том, что начало Великой войны носит уникальный характер и вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Выход на более широкое поле для размышлений дается в заключительной главе.

Хитросплетение событий, послуживших завязкой Первой мировой, по праву считается куда более сложным для понимания, чем Октябрьская революция в России, начало Второй

¹ Под потерями понимаются убитые, пропавшие без вести, раненые и захваченные в плен. – *Прим. авт.*

мировой войны и Карибский кризис. На этом этапе основными движущими силами, несомненно, выступают государственные деятели и генералы, а также противостояние соперничающих альянсов – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия как запасной игрок) и Антанты в лице России, Франции и Британии.

Сегодня нередко считается, что мотивы противоборствующих сил не имеют значения, поскольку меркнут перед ужасами непосредственных военных действий – подход в стиле сериала «Черная гадюка»².

Сомнительная позиция, даже если не разделять мнение Цицерона, что причины событий гораздо важнее самих событий. В 1996 году мудрый историк Кеннет Морган – не консерватор и не ревизионист – в своей лекции о культурном наследии двух глобальных катастроф XX века доказывал, что «история Первой мировой войны была монополизирована в двадцатых годах критиками». Самым ярким из обвинителей Антанты был Мейнард Кейнс, порицавший несправедливость и глупость Версальского договора 1919 года, однако не давший себе труда задуматься, какой мир заключила бы Германская империя и ее союзники, окажись они в победителях. Между стыдом и позором, которые овладели британцами после окончания Первой мировой, и ликованием 1945 года – разительный (и активно подчеркиваемый) контраст. Я среди тех, кто отвергает мнение, что Первая мировая война в моральном плане отличалась от Второй мировой. Отсидись Британия в укрытии, пока Центральные державы захватывали власть на Континенте, ее интересы оказались бы под непосредственной угрозой со стороны Германии, чьи аппетиты победа только разожгла бы.

Писатель XVII века Джон Обри в своих дневниках вспоминает: «Где-то в 1647 году я навестил пастора Стампа в надежде ознакомиться с его заметками, которые мне довелось мельком видеть в детстве, однако к тому времени от них почти ничего не осталось: его сыновья-военные чистили ими ружья». От подобных огорчений не застрахован ни один историк, однако изучающим 1914 год грозит, скорее, противоположное – обилие в большинстве своем подозрительных или откровенно подтасованных материалов на всевозможных языках. Почти все ведущие игроки в той или иной степени фальсифицировали сведения о своем участии в событиях; массово гибли архивные материалы – не столько по неосторожности, сколько ввиду фактов, компрометирующих государства или отдельные личности. Начиная с 1919 года немецкие власти в стремлении восстановить свой политический авторитет пытались снять с Германии груз вины, систематически уничтожая изобличающие сведения. Аналогичным образом поступали некоторые сербы, русские и французы.

Кроме того, учитывая, сколько раз за предвоенный период многие государственные и военные деятели успевали поменять свои позиции, их частными и публичными высказываниями можно подкреплять любые прямо противоположные гипотезы относительно их намерений и убеждений. По мнению одного ученого, океанография представляет собой «творческое занятие, которому предаются... из желания потешить собственное любопытство. Закономерности, выискиваемые океанографами в собственных и чужих материалах, на удивление часто оказываются высосанными из пальца»^[5]. То же самое можно сказать об изучении истории в общем и 1914 года в частности.

Полемика о том, кто повинен в развязывании войны, длится десятилетиями и уже успела пройти несколько четко выраженных этапов. В 1920-е годы укоренилось мнение, подкрепленное широко распространенным представлением о несправедливости наложенных на Германию по Версальскому договору 1919 года контрибуций, что все европейские державы несут одинаковую ответственность за случившееся. Затем – в 1942 году в Италии, в 1953 году в Британии – вышел программный труд Луиджи Альбертини «Истоки войны 1914 года» (*Le origini della*

² «Черная гадюка» (*Blackadder*) – исторический сериал комедийного жанра, в четвертом сезоне которого обыгрывается Первая мировая война (Би-би-си, 1983–1989 гг.). – *Прим. ред.*

guerra del 1914), заложивший фундамент для дальнейших исследований, где основной виновницей представляла Германия. В 1961 году Фриц Фишер выпустил еще одну революционную работу – «Военные цели Германии в Первой мировой войне» (*Griff nach der Weltmacht*), доказывая, что в войне повинна именно Германская империя, поскольку документальные свидетельства подтверждают намерение немецких властей развязать войну в Европе, пока стремительное развитие и вооружение России не привело к стратегическому перевесу.

Поначалу соотечественники Фишера приняли книгу в штыки. На плечи этого поколения и так лег груз вины за Вторую мировую – а Фишер вздумал заодно повесить на них ответственность и за Первую. На него накинuloсь все научное сообщество. По накалу и остроте «фишеровский скандал» не шел ни в какое сравнение с аналогичными историческими дебатами в Британии или США. Тем не менее, когда страсти улеглись, все почти единодушно признали, что в общем и целом Фишер был прав.

Однако в последние три десятилетия различные аспекты его теории энергично опровергались историками по обе стороны Атлантики. В числе самых весомых вкладов – изданная в 1989 году работа Жоржа-Анри Суту «Золото и кровь» (*L'Or et le sang*). Не касаясь причин конфликта, Суту рассматривал прежде всего противоположные военные задачи союзников и Центральных держав, убедительно доказывая, что Германия ставила себе цели по ходу действия, не имея заранее прописанных четких планов на мировое господство. Разногласия усилили другие историки. Шон Макмикин писал в 2011 году: «Первая мировая в 1914 году была в большей степени русской войной, чем немецкой»^[6]. Самуэль Уильямсон на семинаре в марте 2012 года в вашингтонском Центре Вудро Вильсона назвал устаревшей теорию о первостепенной вине Германии. Нил Фергюсон возлагает львиную долю ответственности на британского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея. Кристофер Кларк утверждает, что Австрия имела полное право объявить за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда войну Сербии, которая, по сути, выступила государством-злодеем. Между тем Джон Рол, авторитетный специалист по истории кайзера и его двора, непоколебимо убежден, что «намеренность действий Германии подкреплена неоспоримыми доказательствами».

Для нас сейчас не имеет значения, какая из этих теорий представляется наиболее или наименее убедительной – вряд ли дебаты по поводу 1914 года когда-нибудь утихнут окончательно. Можно выдвинуть еще много альтернативных интерпретаций, и все будут умозрительными. В начале XXI века появился целый сонм свежих теорий и творческих переосмыслений июльского кризиса, однако, что примечательно, убедительного фактического материала там мало. Данная книга не претендует на статус исчерпывающей – любой историк может предложить лишь точку зрения, гипотезу. Однако приводя собственные выводы, я стараюсь противопоставить им и альтернативные, чтобы читатель мог определиться сам.

Современников и непосредственных участников размах разгоревшегося в августе 1914 года пожара, которому суждено было бушевать еще не один год, потряс не меньше, чем их потомков в XXI веке, у которых есть возможность охватить всю картину тех событий целиком. Лейтенант Эдуард Луис Спирс, британский офицер, осуществлявший связь с Пятой французской армией, вспоминал впоследствии: «Когда тонет океанский лайнер, все находящиеся на борту, и сильные, и слабые, борются с одинаковым отчаянием и примерно равное время со стихией такого масштаба, что любой перевес в силах или выносливости пловцов ничтожен перед той громадой, которой они пытаются противостоять и которая все равно поглотит их с разницей в несколько минут»^[7].

Именно поэтому для меня так важны свидетельства простых людей – солдат, матросов, гражданских, – перемолотых жерновами сокрушающих друг друга государств. И хотя в книге изображаются знаменитые персоны и известные события, столетие спустя не помешает вывести на сцену новые лица – вот почему я так пристально присматриваюсь к сербскому и галицийскому фронтам, малоизвестным западному читателю.

Масштабные события, разворачивавшиеся одновременно на разных фронтах в сотнях километрах друг от друга, требуют определенной концепции изложения. Я предпочел рассматривать их поочередно, в какие-то моменты жертвуя хронологией. Читателю придется держать в уме, например, что во время отступления французских и британских войск к Марне битва при Танненберге еще продолжалась. Однако при таком подходе вырисовывается более связанная картина, чем при описании нескольких фронтов одновременно. Как и в ряде предыдущих своих книг, я постарался не перегружать текст техническими подробностями вроде номеров полков и подразделений. Читателя XXI века гораздо больше интересует человеческий опыт и переживания. Однако для понимания того, как разворачивались военные кампании в начале Первой мировой, необходимо иметь в виду, что любой полководец больше всего боялся опрокинутых флангов, поскольку боковые стороны и тыл армии – самые уязвимые ее части. Именно поэтому все происходившее с войсками осенью 1914 года – во Франции, Бельгии, Галиции, Восточной Пруссии и Сербии – было продиктовано стремлением генералов либо атаковать открытый фланг, либо не пасть жертвой подобного маневра.

Хью Стрейчен в первом томе своего фундаментального труда о Первой мировой войне касается в том числе событий в Африке и на Тихом океане, напоминая нам, что речь идет о размахе поистине глобальном. Я же понял, что полотно таких размеров попросту не уместится в заданные мною рамки, поэтому ограничусь лишь европейской катастрофой, которая тоже была достаточно страшна и масштабна. Четкости ради пришлось поступиться некоторыми формальностями: так, например, Санкт-Петербург, поменявший название на Петроград 19 августа 1914 года, у меня остался под прежним – и нынешним – названием. Сербия, которая в газетах и документах того времени фигурировала как Сербия (Servia), у меня приводится в современном написании, даже в цитатах. Гражданские и военные представители империи Габсбургов часто именуются просто австрийцами (за исключением политических контекстов), а не австро-венграми, как положено официально. В фамилиях вроде фон Клюк приставка «фон» присутствует только при первом упоминании. Топонимы стандартизируются – например, город Мюлуз не приводится в немецком варианте Мюльхаузен.

Несмотря на то что я успел написать не одну книгу о военных действиях – в частности, о Второй мировой войне, – это моя первая полноценная работа о ее предшественнице. Мое собственное увлечение этим историческим периодом началось в 1963 году, когда сразу после учебы я попал практикантом на съемки эпического 26-серийного документального сериала Би-би-си «Великая война» (The Great War). Платили мне тогда по 10 фунтов в неделю – на 9 фунтов больше, чем я на самом деле заслуживал. Среди авторов программы были Джон Террейн, Коррелли Барнетт и Алистер Хорн. Я перелопачивал архивы и изданную литературу, интервьюировал в личных встречах и по переписке многих ветеранов Первой мировой, которые тогда еще не были стариками. Эта практика осталась в моей памяти одним из самых счастливых и плодотворных периодов жизни, а некоторые из тогдашних моих изысканий пригодились и для этой книги.

С какой жадностью мои сверстники глотали в 1962 году «Августовские пушки» Барбары Такман³ – и каким потрясением для них было узнать несколько лет спустя, что сама автор, именитая ученая, называет свой труд совершенно ненаучным. Тем не менее «Августовские пушки» остаются потрясающим образцом исторической прозы, вызывая неприкрытое восхищение многочисленных поклонников (мое в том числе), у которых эта книга пробудила страсть к изучению прошлого. Интерес человечества к тем дням не иссякнет никогда – именно на них пришелся закат коронованной, украшенной эполетами Европы, за которым рождался на поле брани внушающий ужас новый мир.

³ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

*Макс Хейстингс
Чилтон-Фолиат, Беркшир
Июнь 2013 года*

Хронология 1914 года

- 28 июня** Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево
23 июля Австро-Венгрия предъявляет ультиматум Сербии
28 июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии
29 июля Австрийские войска обстреливают Белград
31 июля Россия мобилизуется⁴, Германия посылает ультиматумы в Санкт-Петербург и Париж
1 августа Германия и Франция объявляют мобилизацию
3 августа Германия объявляет войну Франции
4 августа Германия вторгается в Бельгию, Британия объявляет войну Германии
8 августа Французские войска стремительно занимают Мюлуз в Эльзасе
13 августа Австрийские войска входят в Сербию, французы переходят в наступление в Эльзасе и Лотарингии
15 августа Первые столкновения российских и австрийских войск в Галиции
16 августа Германии сдается последнее укрепление Льежа
20 августа Сербь побеждают австрийцев при Цере
20 августа Взятие Брюсселя
20 августа Французы отброшены назад после Лотарингской операции
20 августа Немцы терпят поражение при Гумбиннене в Восточной Пруссии
22 августа Франция теряет за один день 27 000 человек убитыми при разгромном Пограничном сражении
21–23 августа Битва при Шарлеруа
23 августа Британские экспедиционные войска участвуют в битве при Монсе
24–29 августа Битва при Танненберге
26 августа Британские экспедиционные войска сражаются при Ле-Като
28 августа Сражение в Гельголандской бухте
29 августа Битва при Сен-Кантене
2 сентября Российские войска берут австрийскую крепость Лемберг
6 сентября Франция переходит в контрнаступление на Марне
7 сентября Австрийские войска снова входят в Сербию
9 сентября Немцы начинают отступление к Эне
9 сентября Сражение у Мазурских озер
23 сентября Япония объявляет войну Германии
9 октября Взятие Антверпена
10 октября Российские войска берут австрийскую крепость Перемышль
12 октября Начало сражений во Фландрии, апогеем которых станет трехнедельная Первая битва при Ипре
29 октября Османская империя вступает в войну на стороне Центральных держав
18–24 ноября Битва при Лодзи, закончившаяся отступлением немецких войск
2 декабря Освобождение сербскими войсками Белграда
15 декабря Австрийскую армию в Галиции оттесняют к Карпатам
17 декабря Австрийские войска повторно изгоняют из Сербии

⁴ Даты мобилизации неточны, поскольку во всех случаях принимались предварительные меры заранее, а главы государств в большинстве своем подписывали официальный указ уже после начала формирования войск. – *Прим. авт.*

Организационная структура вооруженных сил в 1914 году

Структура войск и размеры войсковых формирований у разных воюющих сторон отличались, однако в общем и целом иерархия выглядела так:

АРМИЮ составляют от двух до пяти КОРПУСОВ (каждый, как правило, под командованием генерал-лейтенанта). КОРПУС состоит из двух-трех пехотных ДИВИЗИЙ (под командованием генерал-майоров) по 15 000–20 000 бойцов в каждой (кавалерийские дивизии раза в три меньше) с частями обеспечения, инженерными и вспомогательными подразделениями, а также тяжелой артиллерией. Британская дивизия могла включать три БРИГАДЫ (под командованием бригадных генералов) со своей собственной полевой артиллерией, из расчета по крайней мере по одной батарее на каждый пехотный батальон. В континентальных армиях следующей единицей после дивизии считались ПОЛКИ из двух-трех батальонов, подчиненные непосредственно командиру дивизии. Британская же пехотная бригада состояла обычно из четырех БАТАЛЬОНОВ (по 1000 человек в каждом) под командованием подполковников. Батальон делился на четыре стрелковые РОТЫ числом по две сотни каждая с майором или капитаном во главе плюс эшелон обеспечения – пулеметы, транспорт, снабжение и прочее. РОТА состояла из четырех стрелковых ВЗВОДОВ под командованием лейтенантов – по 40 человек в каждом. Кавалерийские полки числом от 400 до 600 человек делились на эскадроны и кавалерийские взводы. Численность этих боевых единиц стремительно таяла в огне войны.

Пролог Сараево

Причудливая мелодрама, разыгравшаяся 28 июня 1914 года в Боснии, подействовала на мировую историю словно осиный укус на прикованного к постели больного, которому гнев придал сил вскочить, чтобы разрушить осиное гнездо. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австро-Венгерской монархии, явилось не причиной Первой мировой войны, а лишь поводом, сигналом к действию для уже расставленных сил. По иронии судьбы студент-террорист убил того единственного из всех правителей Габсбургской империи, который мог бы попытаться предотвратить своим влиянием грядущую катастрофу. Однако что произошло, то произошло, и цепь событий того жаркого дня в Сараево представляет собой лакомый кусок для любого историка, занимающегося Первой мировой.

Если не считать собственной супруги, Франц Фердинанд мало у кого пользовался любовью. Дородный 50-летний эрцгерцог, один из 70 эрцгерцогов Габсбургской империи, стал наследником престола после того, как в 1889 году в Майерлинге застрелил свою возлюбленную и покончил с собой его кузен кронпринц Рудольф. Император Франц Иосиф своего племянника терпеть не мог, остальные считали его чванливым солдафоном. Главной страстью Франца Фердинанда была стрельба – он успел настрелять около 250 000 охотничьих трофеев, прежде чем сам угодил в потрепанный ягдташ Гаврилы Принципа.

В 1900 году эрцгерцог отдал свое сердце чешской аристократке Софии Хотек. Она была умной и самоуверенной – однажды на армейских маневрах отчитала командующих офицеров за то, что солдаты плохо держали строй. Однако отсутствие королевской крови делало ее в глазах императорского двора неподходящей кандидатурой на роль императрицы. Правящий монарх дал согласие лишь на морганатический брак, тем самым обрекая супругов на ostracism со стороны высокомерной австрийской аристократии. И хотя Франц Фердинанд с Софией души друг в друге не чаяли, им сильно досаждали мелкие унижения и издевки, сыпавшиеся на Софию из-за отсутствия королевских кровей. Франц Фердинанд назвал свой любимый прогулочный маршрут в чешском замке Конопиште «этапами крестного пути». На дворцовых мероприятиях ему отводилось место сразу за императором, но без супруги, и Франц Фердинанд ненавидел строившего эти козни обер-церемониймейстера князя Монтенуово Альфреда.

Тем не менее статус Франца Фердинанда как непосредственного престолонаследника позволял его супруге принимать генералов, политиков и иностранную знать. 13 июня 1914 года замок Конопиште навестил немецкий кайзер в сопровождении любителя роз гроссадмирала Альфреда фон Тирпица, мечтавшего посмотреть знаменитые замковые цветники. Вильгельм II с его умением попадать в анекдотичные ситуации отличился и на этот раз – его таксы Вадль и Хексль опозорились, задрав редкого фазана, принадлежавшего хозяину замка. В результате эрцгерцог и кайзер вместо дискуссии по вопросам европейской или балканской политики обсуждали это курьезное происшествие.

На следующий день, в воскресенье 14-го, в замок Конопиште приехал с супругой министр иностранных дел Австрии и самый влиятельный из ее политиков граф Леопольд Берхтольд. Берхтольды были баснословно богаты и жили на широкую ногу. Они увлекались скаковыми лошадьми, и как раз той весной их годовалая кобыла выиграла гандикап «Кон Аморе» во Фройденау. Графиня Нандина была подругой детства светлейшей герцогини Софии Гогенберг (такой титул получила София Хотек после замужества). Гости прибыли в замок к завтраку, провели день любуясь парком и коллекцией живописи, большим знатоком которой слыл граф, а затем отбыли в Вену вечерним поездом. Это была их последняя встреча с хозяевами замка.

Свои консервативные социально-политические взгляды эрцгерцог выражал достаточно энергично. В 1910 году после похорон Эдуарда VII в Лондоне в письме домой он сетовал на невоспитанность большинства государственных правителей и возмущался дерзостью некоторых присутствовавших там политиков, в частности, бывшего президента США Теодора Рузвельта. Франца Фердинанда нередко называют человеком просвещенным. Но и в этом случае он, как и многие королевские особы на рубеже Новейшей истории, был испорчен привилегированным положением, позволяя себе некорректные даже по тогдашним меркам высказывания.

Презирая венгров, он говорил кайзеру: «Эти так называемые благородные, благовоспитанные мадьяры на самом деле отъявленные подлецы, вруны, мошенники и противники династии». Южных славян он считал людьми второго сорта, называя сербов не иначе как «эти свиньи». Лелеял мечту отвоевать для Габсбургской империи Ломбардию и Венецию, отошедшие к Италии уже на его памяти. Побывав в 1891 году в России, Франц Фердинанд заявил, что тамошний абсолютизм должен служить «восхитительным примером» для других. Царя Николая II коробило от несдержанности Франца Фердинанда – особенно в национальных вопросах. Кроме того, и эрцгерцог, и его жена, будучи истовыми католиками, благоволили иезуитам и не терпели масонов, иудеев и либералов. В 1901 году религиозный пыл Софии вдохновил ее возглавить в Вене католический марш, на который вышли две сотни аристократок.

Тем не менее в одном вопросе эрцгерцог все же проявлял миролюбие, расходясь во мнении со многими австрийцами (в том числе начальником Генерального штаба армии генералом Конрадом фон Хетцендорфом), не жалующими Россию и предвкусывающими возможность помериться силами с русскими солдатами на поле боя, – он неоднократно повторял, что намерен избежать вооруженного столкновения. Мечтая о «согласии императоров», он писал: «Я никогда не вступлю в войну с Россией. Я готов идти на жертвы, чтобы этого избежать. Война между Австрией и Россией закончится свержением либо династии Романовых, либо Габсбургов – либо обеих династий». Вот выдержка из его письма Берхтольду: «Ваше высокопревосходительство! Не поддавайтесь влиянию Конрада – ни за что! Не поддерживайте его трепотню перед императором. Разумеется, он хочет развязать войну любой ценой, ему на руку любая потасовка, ведущая к завоеванию Сербии и Бог весть к чему еще... Войной он хочет прикрыть неурядицы, в которых есть доля и его вины. Поэтому давайте не будем уподобляться балканским военачальникам. Давайте будем выше подстрекательств. Постойм в стороне, посмотрим, как чернь раскроит друг другу черепа. Было бы непростительным безумием настраивать против себя Россию»^[8].

Франц Фердинанд, не менее кайзера Вильгельма склонный к пылким обличительным речам, все же превосходил его в рассудительности. Будь эрцгерцог жив в момент обострения конфронтации с Россией, он мог бы направить свое влияние на мирное урегулирование. Однако он погиб, отправившись с официальным визитом в одно из самых опасных и неспокойных владений своего августейшего дяди Франца Иосифа. Империя, как форма власти, объединяющая под общим началом обширные территории, единодушно считалась в европейских монархиях вождем олицетворением высочайшей силы и могущества. Но если британские и французские колонии располагались далеко за океаном, то у Габсбургов и Романовых подчиненные земли находились прямо под боком. На венгерских монетах чеканилась аббревиатура надписи «Его Апостолическое Величество Франц Иосиф Божьей милостью император Австро-Венгрии, Хорватии, Словении и Далмации». В 1908 году Австро-Венгрия присоединила Боснию и Герцеговину, вызвав тем самым возмущение русских. Бывшие владения Османской империи со смешанным сербско-мусульманским населением состояли в австрийской оккупации с 1878 года – по мандату, изданному Берлинским конгрессом, однако большинство боснийцев яростно противилось подчинению.

В 1913 году иностранный дипломат в отчаянии сетовал на австро-венгров: «Впервые вижу людей, настолько упорствующих в ущемлении собственных интересов!»^[9] Для империи, и без того стонущей под гнетом собственных противоречий и недовольства поработенных малых народов, аннексировать Боснию-Герцеговину было верхом безумия. Однако Франц Иосиф все еще переживал унижительную потерю североитальянских владений вскоре после восшествия на престол и поражение в войне с Пруссией в 1866 году. Обретение новых колоний на Балканах представлялось некой компенсацией, а заодно расстраивало панславистские планы Сербии.

Учитывая, как лихорадило присоединенные территории, было крайне опрометчиво объявлять о намеченном на март визите Франца Фердинанда в Боснию. Члены одной из многочисленных подпольных группировок «Млада Босна», объединяющей студентов крестьянского происхождения, тут же ухватились за представившуюся возможность устроить покушение. Додумались они до этого самостоятельно или пошли на поводу у белградских кукловодов, доподлинно неизвестно – за неимением конкретных данных любая версия правомерна. К младобоснийцам принадлежал и 19-летний Гаврила Принцип. Как и многие, вошедшие в историю схожим образом, всю свою недолгую жизнь он пытался переломить мнение окружающих о себе как о человеке мелком и незаметном. В 1912 году он пошел записываться добровольцем, чтобы сражаться за Сербию в Первой балканской войне, однако его не взяли из-за малого роста. На первом допросе после принесших ему печальную славу событий июня 1914 года он объяснил свой поступок так: «Меня везде принимали за слабака».

В мае Принцип с двумя товарищами приехал в Белград – столицу юного государства, лишь в 1903 году получившего окончательную независимость от Османской империи и беззаветно преданного панславистскому движению. Принцип, проживший в Сербии два года, отлично знал эту страну. Младобоснийцы имели при себе четыре браунинга и шесть бомб, полученных от майора Воислава Танкосича из террористической организации «Единство или смерть», известной еще как «Черная рука» и построенной по образцу немецких и итальянских тайных обществ.

Возглавлял эту организацию 36-летний начальник военной разведки полковник Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис – в честь египетского бога-быка. Он был основной фигурой в одной из трех фракций, участвующих в борьбе Сербии за самоуправление. Во главе остальных двух стояли соответственно князь-регент Александр (не жаловавший полковника за непочтение к королевской семье) и премьер-министр Никола Пашич. Апис выглядел типичным революционным фанатиком – бледный, лысый, мускулистый и загадочный – словно «монгол-исполин», по словам одного дипломата. Закоренелый холостяк, он посвятил свою жизнь организации, гордившейся мистическим ритуалом посвящения и печатью с пиратским флагом, кинжалом, бомбой и ядом. Кровопролитие не было для него в новинку – в 1903 году он принимал активное участие в заговоре молодых офицеров, прикончивших в собственной спальне короля Сербии Александра и королеву Драгу.

Влияние «Черной руки» чувствовалось во многих сербских институтах, не исключая и армию. Почтенный господин, убежденный сединой 69-летний Никола Пашич был давним врагом Аписа, соратники которого в 1913 году планировали покушение на премьер-министра. Пашич и многие его коллеги считали, что полковник представляет собой опасность для стабильности и даже для существования страны – 14 июня министр внутренних дел Милан Протиц в беседе с посетителем называл «Черную руку» «угрозой для демократии»^[10]. Однако в обществе, раздираемом противоречивыми интересами, гражданское правительство не обладало достаточной властью, чтобы устранить или посадить за решетку Аписа, находящегося под покровительством начальника штаба армии.

Помимо пистолетов, бомб и ампул с цианидом для самоуничтожения, других серьезных доказательств того, что Принцип получал поддержку и указания из Белграда, обнаружено не было. Убийцы до самой смерти отрицали официальное участие Сербии. С высокой долей вероятности младобоснийцев действительно проинструктировала и натравила на эрцгерцога «Черная рука», однако доподлинно известно лишь одно: ее агенты обеспечили боснийцам возможность совершить покушение на территории империи Габсбургов. Попрактиковавшись в стрельбе в белградском парке, 27 мая после прощального ужина Принцип с двумя соучастниками, Трифко Грабежем и Неделько Чабриновичем, отбыл в восьмидневное путешествие до Сараево. Часть пути Принцип и Грабеж проделали пешком по сельской местности, перебравшись через границу с помощью проинструктированного «Черной рукой» пограничника. Однако, если Апис действительно взял руководство покушением на себя, почему начинающему террористу Принципу пришлось закладывать в Белграде пальто за несколько динаров, чтобы оплатить дорожные расходы?

Кто еще мог знать о готовящейся акции? Послом России в Белграде был фанатичный панславист Николай Хартвиг, сочувствовавший «Черной руке», – вполне вероятно, что он тоже принимал участие в заговоре. Однако ни малейших доказательств того, что в Санкт-Петербурге было известно о готовящемся покушении, не имеется, и верится в это с трудом. Россия враждебно относилась к Австро-Венгрии за преследование славянских меньшинств, но желать смерти Францу Фердинанду у царя с министрами разумного повода не было.

Боснийский крестьянин, проводивший Принципа и Грабежа на территорию империи Габсбургов (третий соучастник, Чабринович, добирался отдельно, своим ходом), будучи осведомителем сербского правительства, сообщил о передвижениях заговорщиков, а также о бомбах и пистолетах в багаже министерству внутренних дел в Белграде. В его докладе, прочитанном и резюмированном лично премьер-министром, ни словом не упоминалось о заговоре против Франца Фердинанда. Пашич назначил расследование и приказал воспрепятствовать перемещению оружия из Сербии в Боснию, однако дальше этого не пошел. Один из сербских министров утверждал впоследствии, будто в конце мая – начале июня Пашич сообщил Кабинету о передвижении неких заговорщиков в направлении Сараево с целью убить Франца Фердинанда. Правда это или нет, не известно (протоколов на заседаниях Кабинета не велось), однако Пашич, судя по всему, велел сербскому посланнику в Вене передать австрийским властям лишь предостережение общего характера – возможно, потому, что не хотел давать в руки Габсбургов очередной и вполне весомый повод для недовольства своей страной.

Сербия на задворках Австро-Венгрии выступала такой же пороховой бочкой, что и Ольстер в Великобритании в определенные периоды XX века – только ирландские сепаратисты оказались настойчивее сербских. Хроническая жестокость Сербии по отношению к собственным меньшинствам, в частности, к мусульманам, сильно портила ее репутацию. По мнению некоторых историков, непосредственное участие сербских властей в терроре (в том числе в заговоре против Франца Фердинанда) позволяет с полным правом считать Сербию «государством-злодеем». Однако мнение это, повторяю, строится на косвенных доказательствах и догадках. Вряд ли заклятые враги Апис и Пашич выступили бы единым фронтом ради убийства эрцгерцога.

Даже без предостережения из Белграда австрийские власти имели все основания готовиться к вспышке протеста или попытке покушения на Франца Фердинанда, который и сам полностью сознавал опасность. Покинув 23 июня свое чешское имение Хлумец, Франц Фердинанд с супругой вынужден был отправиться в Боснию в купе первого класса венского экспресса, поскольку у его автомобиля перегревались оси. «Многообещающее начало путешествия, – сердился эрцгерцог. – Здесь горит автомобиль, а там в нас, чего доброго, метнут бомбу». В предвоенные годы теракты, особенно на Балканах, были обычным явлением, постоянной мишенью для снисходительного британского юмора. Это и анекдот из *Punch*, в котором

один анархист спрашивает другого: «Который час на вашей бомбе?», и рассказ Саки в стиле черного юмора под названием «Пасхальное яйцо» (The Easter Egg), и романы Джозефа Конрада и Генри Джеймса о террористах.

Для Габсбургов покушения не были редкостью. В 1898 году в Женеве итальянский анархист заколол при посадке на пароход императрицу Елизавету, жившую врозь с императором Францем Иосифом. Десять лет спустя в Лемберге (Львове) 20-летний украинский студент застрелил наместника Галиции графа Потоцкого, выкрикнув: «Это ваша кара за наши страдания!» Судья на процессе по делу хорвата, застрелившего другого представителя австрийской знати, спросил террориста – уроженца Висконсина, считает ли он убийство правомерным поступком. Подсудимый ответил: «В данном случае – да. Так полагают в Америке. За мной стоят 500 000 американских хорватов. Я не последний человек в обществе... Покушения на жизнь сановников – наше единственное оружие». 3 июня 1908 года молодой босниец Богдан Жераич готовил покушение на императора в Мостаре, однако в последний момент передумал. Вместо этого он отправился в Сараево и несколько раз выстрелил в генерала Мариана Варешанина, затем, ошибочно сочтя задачу выполненной, последнюю пулю пустил в себя. Позже возникли бездоказательные подозрения, что револьвером его обеспечила «Черная рука». Отрубленную голову террориста австрийская полиция сохранила в своем музее.

В июне 1912 года школьник стрелял в Загребе в наместника Хорватии – промахнулся, ранив чиновника императорской администрации. В марте 1914 года на бомбе с часовым механизмом, присланной по почте румынами, подорвался генеральный викарий Трансильванского епископата. Франц Фердинанд, однако, не терял чувства юмора даже в такой накаленной обстановке. Как-то раз на военном параде, когда из-за кустов выскочил взъерошенный тип с большим черным предметом в руках и вся свита бросилась врассыпную, эрцгерцог только расхохотался: «Пусть целится, не мешайте. Это его работа – он придворный фотограф. Пусть трудится!»

Однако в Боснии эрцгерцога поджидала опасность совсем не шуточная. Австрийская полиция уже раскрыла и сорвала несколько заговоров на стадии подготовки. Гаврила Принцип был уличен в «антигосударственной деятельности» – однако, когда он зарегистрировался в Сараево как приезжий, слежка за ним установлена не была. За безопасность во время визита августейших гостей отвечал боснийский наместник генерал Оскар Поттиорек. Глава политического отдела предупреждал об угрозе со стороны младобоснийцев, однако Поттиорек высмеял чиновника за «страх перед детишками». Как выяснилось позже, принимающую сторону больше волновало меню и правильная температура вина, чем безопасность высокого гостя. Одной только беспечности чиновников было достаточно, чтобы у Принципа с товарищами появился шанс.

Вечером 27 июня Франц Фердинанд и София, которые по графику должны были прибыть в Сараево лишь на следующий день, поддавшись порыву, заранее приехали в манящий восточной экзотикой город с населением 42 000 человек. Там они бродили по ремесленным лавкам, в том числе ковровым, на виду у толпы зевак, среди которых был и Принцип. Супруги отдыхали и веселились. На курорте Илидже вечером того же дня герцогине был представлен доктор Йосип Сунарич, выдающийся депутат боснийского парламента, настаивавший на отмене визита. Герцогиня не преминула уколоть его в беседе: «Мой дорогой доктор Сунарич, вы все-таки ошиблись. Ваши прогнозы не всегда оправдываются. Все сербы до единого встречают нас здесь радушно и тепло, мы очень рады, что приехали»^[11]. «Ваше сиятельство, я молю Господа, чтобы при завтрашней нашей встрече вы не отказались от своих слов. У меня упадет огромный камень с души», – ответил Сунарич.

Тем же вечером в отеле Bosna в Илидже был устроен банкет в честь эрцгерцога. Гостям подавали *potage régence* (регентский суп), *soufflés délicieux* (изысканное суфле), *blanquette de truite à la gelée* (заливное из форели), курицу, баранину, говядину, *crème aux ananas en surprise*

(ананасовый крем-сюрприз), сыр, мороженое и конфеты. Пили мадеру, токайское и боснийское вино «Жилавка». На следующее утро перед отъездом в Сараево Франц Фердинанд отправил телеграмму старшему сыну Макс, поздравляя его с успешной сдачей экзаменов в «Шотландской академии»⁵. Эрцгерцог и София обожали своих детей – Франц Фердинанд отдыхал душой, принимая участие в детских забавах в игровой комнате замка Конопинште. В этот день, 28 июня, супругам предстояло отметить четырнадцатую годовщину свадьбы, тогда как для сербов эта дата знаменовала поражение в битве на Косовом поле в 1389 году в войне с Османской империей.

Эрцгерцог выехал в форме генерала кавалерии – небесно-голубой мундир, золотой воротник с тремя серебряными звездами, черные брюки с красными лампасами и шлем с зелеными павлиньими перьями. Статная пышнотелая София отправилась в дорогу в широкополой белой шляпе с вуалью, длинном белом шелковом платье с красными и белыми искусственными цветами за красным кушаком и горностаевой накидкой на плечах. Поздним утром 28 июня, в полном соответствии с официальным графиком, кортеж эрцгерцога отправился от железнодорожного вокзала Сараево. Семь младобоснийцев заняли стратегические точки у трех мостов через реку, по одному из которых неминуемо должен был проехать Франц Фердинанд.

Кортеж проехал через «настоящий строй из убийц», как сказал позже католический архиепископ. Незадолго до первой запланированной остановки бомба, брошенная наборщиком Неделько Чабриновичем, отскочила от сложенной крыши автомобиля эрцгерцога и разорвалась, ранив двух членов свиты. Чабриновича, предпринявшего неудачную попытку покончить с собой, схватили и увели. «Я герой Сербии!» – кричал он с гордостью. Большинство остальных заговорщиков так и не нашли в себе сил воспользоваться оружием, позже приводя самые разные оправдания своей нерешительности. Эрцгерцог доехал до ратуши, где с объяснимым раздражением вынужден был слушать заготовленную приветственную речь. Когда гости снова расселись по автомобилям, Франц Фердинанд выразил желание навестить раненных бомбой Чабриновича. При въезде на улицу Франца Иосифа генерал Поттиорек, сидевший на переднем сиденье автомобиля эрцгерцога, заметил, что шофер свернул не туда. Машина остановилась. У нее не было задней передачи, поэтому пришлось толкать ее обратно на набережную Аппель, где она оказалась в двух шагах от стоящего на тротуаре Принципа.

Студент выхватил пистолет и дважды выстрелил. Второй заговорщик, Михайло Пукара, оттолкнул детектива, который, увидев происходящее, попытался вмешаться. София и Франц Фердинанд были ранены с расстояния в несколько шагов. Герцогиня потеряла сознание сразу, а эрцгерцог еще успел пробормотать: «Софи, Софи, не умирай, останься ради наших детей». Это были его последние слова – в двенадцатом часу дня он скончался. На Принципа набросилась толпа. Пукара, на редкость красивый юноша, отказавшийся ради экстремистской деятельности от предложенной ему роли в Белградском национальном театре, схватился с офицером, замахнувшимся на Принципа саблей. Другой молодой человек, Фердинанд Бер, также бросился спасать убийцу от немедленной расправы.

Заговор против эрцгерцога поражал дилетантизмом и удался лишь потому, что австрийские власти не озаботились элементарными мерами безопасности во враждебном окружении. В свою очередь, возникает вопрос: действительно ли покушение было тщательно спланированной акцией профессионального заговорщика Аписа – или представляло собой экспромт, стихийный выпад в сторону ненавистного правления Габсбургов? Однозначного ответа быть не может. Коронер Сараевского окружного суда Лео Пфеффер подумал, едва взглянув на Принципа: «Трудно себе представить, чтобы такой хрупкий человек совершил столь серьезный поступок». Молодой убийца твердил, что не собирался вместе с эрцгерцогом убивать и герцо-

⁵ Шотландская академия – расхожее название бывшей «шотландской» (на самом деле ирландской) католической школы, готовившей к поступлению в Венскую академию. – *Прим. ред.*

гину: «Пуля не всегда попадает туда, куда метишь». На самом деле удивительно, что (даже с близкого расстояния) Принципу удалось убить двумя выстрелами обоих – pistolетные ранения часто оказываются не смертельными.

За первые двое суток после убийства в Боснии арестовали и посадили в военную тюрьму вместе с Принципом и Чабриновичем более двух сотен известных сербов. Под горячую руку повесили нескольких крестьян. Через несколько дней за решеткой сидели все заговорщики – за исключением Мехмеда Мехмедбашича, сбежавшего в Черногорию. К концу июля в застенках находилось уже 5000 сербов, 150 из которых были повешены, когда начались военные действия. В отместку на австрийский вспомогательный корпус вылился гнев еще большего количества мусульман и хорватов. По итогам начавшегося в октябре суда Принцип, Чабринович и Грабеж были приговорены к 20 годам заключения – смертной казни они, как несовершеннолетние, не подлежали. Остальные трое получили тюремные сроки, пятеро были повешены 3 февраля 1915 года, еще четверо соучастников получили от трех лет до пожизненного. Девять обвиняемых выпустили на свободу, в том числе некоторых крестьян, которых Принцип, по собственному признанию, принудил к помощи.

Весть о смерти эрцгерцога и его супруги в тот же день разошлась по всей империи, а затем и по всей Европе. В три часа дня новостями из Сараево были прерваны проходившие под аккомпанемент нового «Марша воздухоплавателей» демонстрационные полеты на летном поле Асперн в Вене. Императора Франца Иосифа известие, полученное от генерал-адъютанта графа фон Паара, застало в Ишле. Он воспринял его бесстрастно, однако обедать решил в одиночку^[12].

Кайзер в это время находился на регате в Киле. Направившийся к королевской яхте ялик Вильгельм попытался отослать обратно, тем не менее тот приблизился. Плывший на нем глава кайзеровского морского Кабинета адмирал Георг фон Мюллер положил записку в портсигар и забросил на палубу Hohenzollern, где ее подобрал матрос и доставил императору. Вильгельм, прочитав, побледнел и пробормотал: «Опять все сначала!» Кайзер, один из немногих в Европе, симпатизировал Францу Фердинанду, завязал с ним личные отношения и был искренне огорчен его гибелью. Он отдал приказ покинуть регату. Контр-адмирал Альберт Хопман, начальник центрального штаба Министерства ВМС Германии, также находившийся в Киле, услышал новость о «скоропостижной кончине» Франца Фердинанда, выходя с обеда, куда был приглашен и британский посол. Поздно вечером, узнав подробности, он писал о «чудовищном событии, политические последствия которого невозможно просчитать»^[13].

Однако большая часть Европы приняла новость равнодушно, уже успев привыкнуть к покушениям и террору. В Санкт-Петербурге русские друзья британского корреспондента Артура Рэнсома снисходительно называли убийство «очередным проявлением балканской дикости»^[14]. Точно так же отнеслось к нему большинство лондонцев. В Париже другой журналист, Раймон Рекули из *Le Figaro*, процитировал общественное мнение, что «разгоревшийся конфликт скоро перейдет в категорию обычных балканских междоусобиц, которые возникают каждые 15–20 лет и разрешаются, не требуя вмешательства великих держав». Президенту Франции Раймону Пуанкаре, находившемуся на скачках в Лоншане, известие о выстрелах в Сараево не помешало насладиться Гран-при. Два дня спустя 20-летняя прусская школьница Эльфрида Кюр, вместе с одноклассниками рассматривавшая в газете фотографии убийцы и его жертвы, заметила: «Принцип куда симпатичнее этого жирного борова Франца Фердинанда»^[15]. Одноклассники ее дерзость не одобрили.

Панихида по эрцгерцогу в душевной домово́й церкви Хофбурга длилась всего 15 минут, после чего Франц Иосиф отбыл обратно в Ишль, на воды. Старый император не притворялся, будто скорбит о смерти племянника, хотя и негодовал на убийц. Большинство подданных разделяли его чувства – точнее, их отсутствие. 29 июня в Вене профессор Йозеф Редлих отметил в своем дневнике: «В городе не чувствуется траура. Повсюду музыка»^[16].

Лондонская *The Times* осветила похороны 1 июля в сухой, наводящей скуку заметке. Венский корреспондент уверял, что «судя по настроениям в прессе, никаких репрессивных мер по отношению к сербам за преступление крошечного меньшинства не предполагается. <...> Высказывания прессы в адрес сербов в целом отличаются сдержанностью».

Иностранные обозреватели не уставали удивляться казенному и откровенно неискреннему трауру по наследнику императорского престола в Вене. Тем парадоксальнее, что правительство империи Габсбургов без колебаний решило воспользоваться покушением, чтобы вторгнуться в Сербию, – невзирая на риск вооруженного столкновения с Россией. И Принцип убил единственного во всей империи человека, намеревавшегося этому столкновению воспрепятствовать.

1. «Что-то надвигается»

1. Прогресс и упадок

В 1895 году молодой офицер британской армии обедал в Лондоне с пожилым государственным деятелем сэром Уильямом Харкортom. После беседы, в которой сэр Уильям, по его собственным словам, принял самое активное участие, лейтенант Уинстон Черчилль (а это был именно он) с интересом спросил Харкорта: «А потом что произойдет?» «Дорогой Уинстон, – ответил собеседник с неистребимым викторианским самодовольством, – богатый жизненный опыт подсказывает мне, что не происходило и не произойдет ровным счетом ничего»^[17]. Старые, окрашенные сепией фотографии очаровывают нынешнее поколение. Длинная выдержка придает лицам безмятежность. Мы любуемся образами старой Европы последних предвоенных лет – аристократы во фраках с белыми бабочками и бальных платьях с тиарами, балканские крестьяне в фесках и шароварах, надменные и обреченные августейшие семьи...

Молодые люди с усами и трубками, в неизменных шляпах-канотье, правящие плоскодонками в окружении коротко стриженных девушек в глухих высоких воротниках... Затишье перед бурей. В высшем обществе чопорно взвешивается каждое слово – «черт» и «треклятый» немислимы, хлесткие эпитеты приберегаются для более узкого круга. «Приличный» означает высочайшую похвалу, «дрянь» – глубочайшее презрение. Полвека спустя британский писатель и ветеран войны Реджинальд Паунд заявит: «Беспристрастно въедливые историки поздней школы не способны развеять золотую дымку тех лет и проникнуть сквозь нее взглядом. Ни вопиющее неравенство, ни растущее незаслуженное богатство, ни окружающее убожество, ни пьянство не могли омрачить то безоблачное счастье, которое больше в этот мир не возвращалось»^[18].

И все же, хоть Паунд жил в то время, а мы нет, сложно с ним согласиться. Только человек, намеренно закрывающий глаза на бурлящие вокруг события, мог назвать начало XX века эрой безмятежного покоя и тем более довольства. Водоворот страстей и разочарований, научных открытий, технического прогресса и неудовлетворенных политических амбиций приводил великие умы эпохи к осознанию, что старый порядок рушится. Да, герцогам по-прежнему прислуживали лакеи с напудренными волосами, в знатных домах подавались обеды с 10–12 переменами блюд, на Континенте еще не изжили себя дуэли. Однако было очевидно, что все это скоро закончится, что будущее будет определять воля масс либо те, кто сумеет манипулировать их волей, а не прихоти традиционного правящего класса, даже если власти предрекшие пытаются отсрочить потоп.

Мы эгоцентрично полагаем, будто только нашему поколению приходится жить (а государственным руководителям вершить судьбы) в эпоху стремительных перемен. Между тем в период с 1900 по 1914 год Европу и Америку захлестнул технический и социально-политический прогресс невиданного размаха для такого короткого – буквально мгновение в масштабах истории – временного промежутка. Эйнштейн выдвинул свою теорию относительности, Мари Кюри открыла радий, Лео Бакеланд изобрел бакелит – первый синтетический полимер. В повседневную жизнь состоятельных господ входили телефоны, граммофоны, автомобили, кинотеатры, электричество. Периодическая печать набирала беспрецедентный общественный вес и политическое влияние.

В 1903 году человек совершил первый управляемый полет, пять лет спустя граф Фердинанд Цеппелин воспе́л мечту о свободном воздухоплавании: «Только тогда будет исполнена древняя божественная заповедь... [гласящая], что человек должен стать венцом творения». После спуска на воду британского линкора Dreadnought все боевые корабли, не обладаю-

щие подобными орудиями крупного калибра на поворотных механизированных платформах, можно было списывать как негодные для боевых действий. Пока выпускники кадетских корпусов дорастали до адмиралов, увеличивалась и дальность стрельбы – с нескольких тысяч метров до десятков километров. Большой потенциал признавали за подводными лодками. Со времен Гражданской войны в Америке, считавшейся до Первой мировой самым крупным вооруженным конфликтом индустриальной эпохи, значительный прогресс претерпели и сухопутные орудия уничтожения: пулеметы стали точнее и надежнее, увеличилась поражающая способность артиллерии. Выяснилось, что колючая проволока эффективно преграждает путь не только домашней скотине, но и войскам. Тем не менее многие прогнозы о характере будущих войн не оправдались. Незвестный автор статьи из немецкого журнала *Militär-Wochenblatt* уверял в 1908 году: опыт Русско-японской войны 1904–1905 годов в Манчжурии доказывает, что «самые хорошо защищенные укрепления и окопы – даже на открытом пространстве – можно взять отвагой и искусным использованием рельефа. <...> Европейской культуре концепция сражений до последнего патрона попросту неведома».

Во всех государствах континентальной Европы на подъеме находился социализм, начался упадок либерализма. Бунт женщин против узаконенной дискриминации набирал обороты, особенно в Британии. По всей Европе с 1890 по 1912 год реальная заработная плата выросла почти на 50 %, снизилась детская смертность и значительно улучшилось питание. Однако, несмотря на такой прогресс (или как раз из-за него, если принять постулат де Токвиля о том, что нужда перестает быть терпимой, когда не распространяется повсеместно), десятки миллионов рабочих возмущались несправедливостью общественного устройства. Промышленную сферу в России, Франции, Германии и Британии парализовали стачки и забастовки, иногда довольно жестокие, сеющие тревогу и даже ужас в правящих кругах. В 1905 году Россия пережила свою первую крупную революцию. Германия сменила Францию и Россию в статусе самого вероятного врага Британии. Доля Британии – первой страны, вступившей на путь индустриализации, – в мировом производстве сократилась с 1/3 в 1870 году до 1/7 в 1913 году.

Все это произошло за короткие 13–14 лет. Политик и социолог Чарльз Мастерман в 1909 году размышлял о том, «расцветет ли цивилизация пышным цветом... или осыплется увядшими листьями и поблекшим золотом... ждут ли нас новые потрясения и беспорядки или перед нами вдруг распахнутся врата в невообразимое блаженство»^[19]. Австрийский писатель Карл фон Ланг писал в начале 1914 года: «Что-то надвигается, но, когда оно начнется, предсказать невозможно. Быть может, нас ждут еще несколько мирных лет, однако с такой же вероятностью гром может грянуть уже сегодня»^[20].

Стоит ли удивляться, что чопорным государственным мужам Европы нелегко было приспособиться к требованиям так стремительно наступившей новой эпохи, к возросшим скоростям средств сообщения, изменившим уклад общества, а также к увеличению поражающей силы военного арсенала, осознаваемому лишь немногими. Дворцовая дипломатия и коронованные волей слепой судьбы особы пасовали перед задачами века моторов и электричества. Как писал в 1930 году Уинстон Черчилль: «Почти все, что меня приучили считать незыблемым и постоянным, рухнуло. Все, что я привык считать невозможным, сбылось»^[21].

С 1815 по 1870 год Россия, Пруссия, Австрия и Франция обладали примерно одинаковым весом на мировой арене, и все они отставали от Британии. Затем вперед вырвалась новая Германия, завоевав статус самого успешного из государств континентальной Европы. Она лидировала почти в каждой промышленной отрасли – от фармацевтики до автомобильных технологий, а также выступала первопроходцем в социальной сфере – страхование здоровья и пенсионные программы. Некоторые британские ура-патриоты по-прежнему полагали, будто многочисленные колонии гарантируют их маленькой стране верхнюю ступень мировой иерархии, однако объективные оценки экономистов отводили Британии в области производства и торговли лишь третье место после Америки и Германии, отдавая четвертое Франции. Все круп-

ные державы стремились умножить свои территориальные владения и мощь. Существующее положение дел устраивало лишь Британию и Францию, успевших удовлетворить свои имперские амбиции.

Остальные негодовали. В мае 1912 года британский военный атташе в Берлине подполковник Алик Рассел с тревогой отмечал зреющее недовольство. «В душе немцев, – писал он, – закипает обида за подмоченную репутацию армии фатерланда, раздражение на французскую заносчивость и явная неприязнь к нам». В результате «возникают настроения, способные в тот момент, когда будет решаться вопрос – мир или война, склонить чашу весов в определенную сторону»^[22]. Озабоченность Рассела нестабильностью Германии, иногда доходящей до истерии, прослеживалась во всех его донесениях и за следующие два года только усилилась.

И все же, вопреки опасениям соседей, далеко не все немцы были настроены воинственно. Страна стояла на пороге конституционного кризиса. Преобладающая в рейхстаге социал-демократическая партия (в Германии социалистическое движение было самым развитым в мире) решительно выступала против войны. В начале 1914 года британский военно-морской атташе удивлялся низкой посещаемости заседаний по военно-морским проблемам в рейхстаге – набиралось всего 20–50 депутатов, да и те во время выступлений отвлекались и шушукались о своем^[23]. Рабочий класс был бесконечно далек от правительства, состоящего из консервативных министров, назначаемых в соответствии с личными симпатиями кайзера.

Тем не менее, пусть Германия уже и не являлась абсолютистским государством по российской модели, ее устройство напоминало скорее военизированную автократию, нежели демократию. Самым мощным ее институтом была армия, и ее коронованный руководитель любил окружать себя военными. На 18 октября 1913 года кайзер Вильгельм II назначил пышные торжества в честь столетия победы над Бонапартом в «Битве народов» при Лейпциге. Вдохновленные императорским примером, крупные магазины отвели обширные торговые площади под юбилейные диорамы. Прилавки заполонила продукция с милитаристской символикой. Губная гармоника *Wandervogel* – в честь одноименного австро-немецкого молодежного движения – продавалась в упаковке военно-почтовой службы. На самом инструменте была выгравирована надпись «*Durch Kampf zum Sieg*» – «Через битву к победе!»^[24]. Гертруда Шадла, 27-летняя учительница из небольшого городка под Бременом, в своей дневниковой записи за май 1914 года описывала благотворительное мероприятие по сбору средств в пользу Красного Креста: «Это касается меня в полной мере – да и как иначе, если у меня трое братьев призывного возраста? И потом, из биографии Флоренс Найтингейл я узнала, насколько важна его деятельность, а из интереснейшей книги Пауля Рорбаха “Мировая политика Германии” – о том, насколько серьезна и неистребима нависшая над нами угроза войны».

Империя, которая при Вильгельме II объединилась и достигла огромной экономической мощи, по-прежнему испытывала чувство незащищенности, которое олицетворял и сам кайзер. Не отличаясь особой кровожадностью, он имел, скорее, склонность к позерству, бряцанию оружием и жажде ратных побед – представьте себе облаченного в военный мундир Жаба из «Ветра в ивах» Кеннета Грэма⁶. Побывавшие при дворе отмечали царившую там гомозеротическую атмосферу, наблюдая, как кайзер приветствует мужчин-приближенных (например, герцога Вюртемберга) поцелуем в губы. В первое десятилетие века двор и армию потрясла череда гомосексуальных скандалов, не менее громких, чем антисемитское дело Дрейфуса во Франции. Граф Дитрих фон Гюльсен-Хеселер, глава кайзеровского военного секретариата, скончался от сердечного приступа в 1908 году, исполняя послеобеденный сольный танец в балетной пачке перед собравшимися в шварцвальдском охотничьем домике, среди которых находился и сам кайзер.

⁶ Грэм К. Ветер в ивах. – М.: Machaon, Азбука-Аттикус, 2011.

Если ближайшее окружение Вильгельма питало слабость к пошлому фарсу, то сам он отличался неумейной страстью к прожектерству. Большинство его современников, включая европейских государственных деятелей, считали его слегка тронутым, и, скорее всего, врачи подтвердили бы диагноз. Вот что писал Кристофер Кларк: «Он был ярчайшим примером эдвардианского зануды, который битый час мучает случайного собеседника рассказами о своем очередном детище. Неудивительно, что перспектива выслушивать долгие излияния кайзера на официальных обедах и ужинах вселяла страх в сердца многих европейских августейших особ»^[25]. Контр-адмирал Альберт Хопман, проницательный и прогрессивный морской офицер, отзывался о кайзере в мае 1914 года так: «Это само тщеславие, он пожертвует чем угодно ради своих прихотей и детских капризов, и никто его не приструнит. Вокруг него достаточно людей далеко не мягкотелых – как они его, спрашивается, выносят?»^[26] Хопман описал в своем дневнике странный сон, приснившийся ему 18 июня 1914 года: «Я стоял перед замком... Там разговаривал с людьми старый, немощный кайзер Вильгельм [I], придерживая саблю в ножнах. Я подошел к нему и, поддерживая под локоть, повел в замок. И он сказал мне: “Придется тебе взяться за меч... Мой внук [Вильгельм II] для этого слишком хлипок”»^[27].

В игре, разыгранной судьбой в 1914 году, темными лошадками оказались все европейские монархи, однако самой непредсказуемой из них выступил Вильгельм. Бисмарк оставил после себя малофункциональное политическое устройство, при котором воля народа, выраженная рейхстагом, подавлялась властью императора, назначаемых им министров и начальником штаба армии. Вот как описывает Джонатан Штейнберг эпоху, начавшуюся со смещения Вильгельмом своего канцлера в 1890 году, вскоре после восшествия на престол: «Бисмарк... оставил систему, которой мог управлять лишь он сам – человек незаурядный – и только в том случае, если над ним будет стоять самый заурядный кайзер. После его ухода оба условия нарушились, государственная система погрязла в лицемерии, интригах и фанфаронстве, превращая кайзеровскую Германию в опасную соседку»^[28]. Макс Вебер, родившийся как раз в ту эпоху, придерживался аналогичного мнения: «Он оставил страну *совершенно непросвещенной политически... совершенно лишенной политической воли*. Она привыкла *беспрекословно* и фаталистично *подчиняться* любым решениям в угоду монархическому правительству» (курсив Макса Вебера. – *Прим. авт.*)^[29]. Демократическое влияние сильнее всего ощущалось во внутренней финансовой политике и слабее всего – во внешней, которая велась за закрытыми дверями личными ставленниками кайзера без оглядки на расклад сил в рейхстаге, зато под изменчивым, но ощутимым давлением армии.

Гогенцоллерны не умели выстраивать отношения. Кронпринц вернулся в 1913 году с охоты на лис в Англии, убежденный – ошибочно, надо сказать, – в симпатиях к Германии, царящих среди британского правящего класса. Его отец со своей усохшей рукой и маниакальным пристрастием к военной атрибутике и уставу был натурой холерической, в погоне за авторитетом беспорядочно и бездумно чередующей лесть и угрозы. Однажды Вильгельм поинтересовался у империалиста Сесила Родса: «Скажите, Родс, почему меня недолюбливают в Англии? Что мне сделать, чтобы завоевать симпатии?» Родс ответил: «Попробуйте, наоборот, не делать ничего». Кайзер сперва опешил, потом расхохотался. Последовать такому совету было выше его сил. В 1908 году Вильгельм черкнул на полях депеши от своего посла в Лондоне: «Если хотят войны, пусть начинают, мы ее не боимся!»

В предвоенные годы европейские симпатии и антипатии не отличались незыблемостью, то и дело меняясь, перетасовываясь и перестраиваясь. Французы вступали в новое столетие с мыслью о возможном вторжении Англии, и в 1905 году Британия на самом деле вынашивала подобные планы. Какое-то время существовала вероятность, что Россия выйдет из Антанты и присоединится к Тройственному союзу. В 1912 году министр иностранных дел Австрии граф Берхтольд действительно подумывал о сближении с Санкт-Петербургом, однако неразрешимые

разногласия по поводу Балкан оказались слишком серьезным препятствием. На следующий год Германия предоставила Сербии ряд займов. Среди студентов Оксфорда, обучавшихся по стипендии Родса, в первые годы после ее учреждения насчитывалось немало немцев, что свидетельствовало о граничащем с пиететом уважении британцев к немецкой культуре. Не исключением была и промышленность: до 1911 года Vickers разрабатывала и производила взрыватели для снарядов совместно с Krupp.

Несмотря на то, что англо-немецкая «гонка морских вооружений» сильно подпортила двусторонние отношения, канцлер Теобальд Бетман-Гольвег и лорд-канцлер Ричард Холдейн делали неуключие попытки их наладить – в частности, немецкий канцлер старался заручиться гарантиями нейтралитета Британии в случае войны на Континенте. Эти попытки дались Бетману дорогой ценой – он лишился доверия фанатичных немецких националистов, у которых он прослыл отъявленным англофилом. Тем временем брат кайзера принц Генрих Прусский во время беседы в январе 1914 года с британским военно-морским атташе капитаном Уилфредом Хендерсоном отметил на специфическом английском, который все же без труда понимали на любом лондонском званом обеде, что «прочие крупные европейские морские державы не принадлежат к числу “белых людей”»^[30]. Это замечание, выводящее за скобки и бледнолицых русских, и итальянцев, и австро-венгров, и французов, Хендерсону пришлось по душе. Передавая августейшие слова в адмиралтейство, он писал: «Не могу не признать, что Его Королевское Высочество очень по-британски выразил преобладающую в нашей собственной службе точку зрения».

Слова эти сочли достаточно пикантными, чтобы несколько десятилетий спустя вымарать из публикуемых дипломатических донесений. Однако затронутая принцем тема всплыла чуть позже, за совместным ужином британского и немецкого морских офицеров, когда единственный произнесенный тост оказался «за две белые нации»^[31]. На регате в Киле в 1914 году некоторые немецкие моряки клялись в вечной дружбе своим гостям из королевских ВМС. Командир дредноута Rommern сообщил офицерам крейсера Southampton: «Традиции вашего флота служат для нас примером, и когда я читаю в газетах о возможной войне между нашими странами, меня охватывает ужас – ведь эта война будет, по сути, гражданской». Гроссадмирал Тирпиц нанял английскую гувернантку своим дочерям, которые затем завершали образование в Челтнемском женском колледже.

Однако, несмотря на восхищение Британией, Германия все же с ней соперничала – самым явным образом в строительстве флота, способного потягаться с королевскими ВМС (лично кайзеровская затея, вызывающая острое неодобрение канцлера и армии), а главное, отвергая дорогую британскому сердцу концепцию политического равновесия на Континенте. В 1914 году в Киле вице-адмирал сэр Джордж Уоррендер, намереваясь польстить Тирпицу, сказал: «Вы самый знаменитый человек в Европе». «Впервые слышу», – ответил Тирпиц. «По крайней мере для англичан», – уточнил Уоррендер. «Ну еще бы, для вас, англичан, я настоящее пугало», – прорычал Тирпиц. Тирпицем – как и кайзером – действительно пугали. Как бы Германия ни пыталась приукрасить действительность, ее власти в самом деле стремились установить господство в Европе (которое британское правительство уступать не намеревалось), а затем протянуть руки и за океаны.

Лорд Холдейн, по словам немецкого посла, сказал князю Лихновскому: «Если мы нападем на Францию, Англия, несомненно, придет ей на помощь, поскольку не потерпит нарушения баланса сил». Лихновского не воспринимали в Берлине всерьез – отчасти из-за его возмущенного отношения к Англии, однако англичане ему взаимностью не отвечали. Британский премьер-министр Герберт Асквит жаловался на Лихновских в своем письме Венеции Стэнли⁷:

⁷ Венеция Стэнли (Venetia Stanley) – подруга дочери английского премьер-министра Герберта Генри Асквита, к которой он питал отнюдь не отеческие чувства. Асквит писал ей множество писем, несмотря на то, что они общались почти ежедневно.

«...Гости утомили. Оба совершенно невоспитанны, а он к тому же болтлив и придирается к мелочам»^[32].

От переданного послом предупреждения Холдейна в Берлине презрительно отмахнулись. Генерал Гельмут фон Мольтке, начальник немецкого Генерального штаба, считал британскую армию чем-то вроде имперской жандармерии, а флот и вовсе сбрасывал со счетов как сомнительное подспорье в сухопутных сражениях на Континенте. Кайзер высказался на полях посольского доклада, назвав британскую концепцию равновесия сил «идиотизмом», который «навечно поссорит нас с Англией». В письме к эрцгерцогу Францу Фердинанду он утверждал, что слова Холдейна «полны злобы, ненависти и зависти к успешному развитию взаимовыгодного альянса между двумя нашими странами [Германией и Австрией]». Несколько британских ученых предупреждали о преобладании в немецких университетах представлений о неизбежности исторической борьбы между кайзеровской империей и Британией, являющими собой современные аналоги восходящего Рима и обреченного Карфагена.

Германия и объединенная Австро-Венгрия составляли два столпа Тройственного союза, третьей участницей которого выступала Италия, однако на нее в случае войны никто всерьез не рассчитывал. Большую часть предыдущего столетия в статусе «больного человека Европы» пребывала Османская империя, постепенно хиреющая и теряющая свои земли. Теперь этот нелестный титул перешел к империи Габсбургов, чье неумение разрешить внутренние противоречия и утихомирить воинственные меньшинства неустанно обсуждалось в парламентах и газетах – в том числе и немецких. Однако правители империи Гогенцоллернов возвели в ранг первостепенных задач внешней политики поддержание слабеющей союзницы. Кайзер с советниками цеплялись за Габсбургов не в последнюю очередь потому, что от развала Австро-Венгрии могли выиграть прежде всего их заклятые враги – Россия с балканскими подопечными. Кайзер частенько отпускал нелестные замечания в адрес «славянства» и якобы возглавляемой Россией коалиции против «немецкой нации». 10 декабря 1912 года он сообщил швейцарскому послу в Берлине: «...Мы не оставим Австрию в беде: если подведет дипломатия, придется вступать в расовую войну»^[33].

Население империи Габсбургов составляли 50 миллионов представителей 11 национальностей, занимающих территории современной Австрии, Словакии, Чехии, Венгрии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, отдельных частей Польши и северо-восточной Италии. Франц Иосиф был утомленным 83-летним стариком, царствовавшим с 1848 года и создавшим объединенную монархию в 1867 году. Двадцать восемь лет он состоял в близких отношениях с актрисой Катариной Шратт. В письмах он обращался к ней «Моя дорогая подруга», а она в ответ называла его «Ваше Императорское и Королевское Величество, мой августейший повелитель». В 1914 году ей исполнился 51, и отношения вошли в тихое домашнее русло. В своей летней резиденции Ишль император навещался к Катарине на виллу Felicitas в одиночку, иногда в семь часов утра, предупредив о своих намерениях запиской: «Оставь, пожалуйста, калитку незапертой».

Проведя всю молодость в строю и даже успев поучаствовать в военных действиях, император питал неизменное пристрастие к военной форме и считал армию объединяющей империю силой. Костяк его офицерского корпуса составляли аристократы, в большинстве своем сочетавшие заносчивость с некомпетентностью. В историю вошел случай, когда Франц Иосиф, будучи еще молодым императором, настоял на проведении военных учений на обледеневшем плацу – кони поскальзывались и падали, двое всадников погибли. Примерно так же он и правил, упорно отказываясь принимать в расчет социальные, политические и экономические силы. Норман Стоун классифицировал монархию Габсбургов как «систему институализированного эскапизма»^[34]. Безработицы и бедности в столице Австро-Венгрии было не меньше, чем в любом другом европейском городе, а чувства безысходности, пожалуй, даже

больше: в 1913 году почти 1500 венцев предприняли попытки свести счеты с жизнью, половина из которых удалась. Что касается общественного согласия, вот как отзывался один писатель об австрийском парламенте: «Какофония в нем брала верх над законотворчеством, однако, поскольку это была венская какофония, все гремело и брэнчало довольно изящно»^[35]. В марте 1914 года этот шум Францу Иосифу надоел, и он приостановил работу рейхсрата ввиду постоянных конфликтов между чешскими и немецкими депутатами. С тех пор он и его министры правили посредством издания указов.

Австро-Венгрия была в основном аграрной страной, тем не менее Вена превозносили как одну из самых культурных и космополитичных мировых столиц, облюбованную Францем Легаром и Томасом Манном. Ленин считал ее «могучим, красивым и жизнерадостным городом». «Регтайм-бэнд Александра» (Alexander's Ragtime Band) Ирвинга Берлина исполнялся в Вене на английском, в 1913 году в городе прошла мировая премьера «Пигмалиона» Бернарда Шоу. По иронии судьбы в том же году в Вене несколько месяцев прожили Сталин, Троцкий, Тито и Гитлер. Великий американский боксер Джек Джонсон стал звездой зимнего сезона в «Театре Апполона». Зигмунд Фрейд из всего многообразия венских кофеен чаще всего навещался в Landtmann. Город был квинтэссенцией снобизма – кланяющиеся, любезничающие, подобо-страстные лавочники льстили клиентам, добавляя к их фамилиям аристократичное «фон» и обращаясь к ним «ваша милость». Домашняя прислуга жила практически по феодальным порядкам – по закону о занятости горничным полагалось лишь семь свободных часов за две недели в каждое второе воскресенье. На Новый год высокородные венцы гадали, капая расплавленным свинцом в ведерки с ледяным шампанским и пытаясь понять по застывающим кляксам, что готовит им будущее.

Жизнь австрийского высшего общества была наиболее регламентирована по сравнению с другими странами Европы и состояла в основном из появления в ложах Бургтеатра и Придворной оперы, а также еженедельных журфиксов. Каждый венский аристократ знал, что по воскресеньям гостей принимает принцесса де Круа, по понедельникам – графиня Хаугвиц, по вторникам – графиня Берхтольд, а по средам – графиня Бюкуа. Графиня Штернберг устраивала лыжные выходные в Земмеринге, графиня Лариш собирала гостей на бридж, а вечера у княгини Паулины фон Меттерних, во множестве привечавшей банкиров-евреев, насмешливо называли «соборами сионской Богоматери» (Notre Dame de Zion). Еврейская диаспора Вены – одна из самых крупных и влиятельных среди европейских стран – рождала соразмерный своим масштабам антисемитизм.

Несмотря на то, что в политическом и военном отношении немцы ставили себя выше австрийцев, при встрече с габсбургской аристократией на ее собственном поле они заметно тушевались. Уикхем Сид, давний корреспондент *The Times*, писал о Вене так: «Сочетание величия и домашней простоты, света и красок, отсутствие архитектурной монструозности и осязаемое влияние Италии – вкупе с изяществом и красотой женщин, вежливым дружелюбием окружающих и теплой, радушной речью – это настоящий праздник для ушей и глаз любого опытного путешественника»^[36]. Однако тот же Сид находил «невыносимым» венское высокомерие, чувствовал «общую атмосферу иллюзорности» и жаловался, что у Вены нет души.

Австрийцы налаживали отношения с Германией, Турцией и Грецией, стремясь расстроить планы Сербии по созданию панславистского государства – Югославии, в котором окажется несколько миллионов подданных Габсбургов. Кроме того, в предвоенные годы у империи вошло в привычку подкреплять дипломатические меры военными угрозами. Австрийские генералы относились к войне с недопустимой беспечностью, считая ее заурядным способом решения государственных задач, а не пропуском в царство Аида. Национальные меньшинства все более отдалялись и озлоблялись, империя в ответ все туже закручивала гайки. Вена разжигала рознь между своими подданными – мусульманами, сербами и хорватами. Основная масса меньшинств не имела политических прав, зато облагалась огромными налогами. Вена пела и

танцевала, однако за пределами города вальсов, в других владениях Франца Иосифа искать доброты и милосердия не приходилось. Впрочем, соседи Австро-Венгрии вели себя не лучше.

Российские власти разделяли убеждение кайзера, что обеим империям суждено участвовать в исторической борьбе между германской и славянской нациями. Немцы не скрывали своего презрения к русским, не упуская случая их поддеть. Царские подданные в свою очередь недолюбливали немцев за культурное и промышленное превосходство. Самым крупным камнем преткновения для двух стран стала Турция. Две державы кружили над испускающей дух Османской империей, словно стервятники, высматривая лакомые куски. Особенно остро стоял вопрос о контроле над Дарданеллами, через которые проходило 37 % российского экспорта. С поверхностным османским надзором Санкт-Петербург еще худо-бедно мирился, однако немецкого владычества над проливом уже не вынес бы, тогда как в кайзеровских внешнеполитических планах этот пункт значился в числе первых. Младотурки, захватившие власть в Константинополе в 1908 году, в своем стремлении модернизировать страну охотно принимали помощь Германии – особенно военные рекомендации. Что же до Берлина, то Вильгельм так напутствовал генерала Лимана фон Сандерса, отбывающего командовать константинопольским гарнизоном в 1913 году: «Сколотите мне новую крепкую армию, которая будет подчиняться моим приказам»^[37].

Назначение Лимана в Турцию повергло Санкт-Петербург в ужас. Председатель Думы призывал Николая II отвоевать Дарданеллы у османцев, пока этого не сделала Германия: «Проливы должны стать нашими. Война пойдет только на пользу и поднимет престиж правительства»^[38]. На заседании Совета министров в декабре 1913 года военный и военно-морской министры на вопрос о готовности армии и флота к войне ответили, что «Россия полностью готова к дуэли с Германией, не говоря уже об Австрии»^[39]. В феврале следующего года российская военная разведка передала правительству немецкий секретный меморандум, ошеломивший Санкт-Петербург: там подчеркивалась решимость Германии завладеть Дарданеллами и закрепить за кайзеровскими офицерами командование артиллерийскими батареями на проливах. Было бы преувеличением вслед за некоторыми историками предполагать, будто Россия в 1914 году хотела развязать войну ради господства над подступами к Черному морю. Однако уступить их Германии она, вне всякого сомнения, не собиралась.

К неудовольствию Германии и Австрии, Россия в последние годы перед Армагеддоном переживала расцвет. Миф о промышленной несостоятельности царского режима создали новые большевистские правители после 1917 года. На самом же деле российская экономика занимала четвертое место в мире, прирастая в год почти на 10 %. В 1913 году национальный доход страны был не ниже британского, составляя 171 % от французского и 83,5 % немецкого, хотя и проигрывал в пересчете на душу населения, поскольку царских подданных насчитывалось 200 миллионов против 65 миллионов у кайзера. Россия опережала остальные европейские страны в сельскохозяйственном производстве, выращивая столько же зерна, сколько Британия, Франция и Германия, вместе взятые. Несколько урожайных лет – и государственные доходы подскочили до небес. В 1910 году плотность железных дорог в европейской части России составляла всего 1/10 от британских или немецких показателей, однако затем она резко возросла благодаря французским займам. Объемы производства товаров из железа, стали, угля и хлопка были сравнимы с французскими, хотя и отставали от немецких и британских.

Благосостояние большинства россиян ощутимо повысилось по сравнению с концом века – доходы на душу населения с 1898 по 1913 год поднялись на 56 %. С ростом школ вдвое возросло число грамотных – примерно до 40 %. Резко снизилась как детская, так и общая смертность. Складывался предпринимательский класс, который, впрочем, не оказывал особенного влияния на правительство, где по-прежнему преобладала земельная аристократия. Жизнь российского высшего света вызывала восхищение у западных европейцев. Британский светский

журнал *The Lady* описывал империю Николая II в романтических и даже восторженных тонах: «...Эта огромная страна с ее большими городами, засушливыми степями, резким контрастом между богатством и бедностью поражает воображение. Немало очарованных англичан обрели здесь новый дом, и, надо сказать, британцев тут любят и уважают. Барышень из богатого сословия воспитывают в строгости. С них не спускают глаз ни в детской, ни на занятиях, они живут простой, здоровой жизнью, изучают несколько языков, включая английский и французский... Итог – образованные, изящные, разносторонне развитые, уравновешенные девушки с приятными манерами»^[40].

Разумеется, российское высшее общество и царский двор много общались с европейским светом, чувствуя себя в Париже, Биаррице и Лондоне как дома. Между тем в собственной стране у царского правительства и поддерживающей его сибаритствующей аристократии назревали острые внутренние проблемы. Трудности с управлением этническими меньшинствами, выпавшие на долю империи Габсбургов, меркли перед теми, которые испытывали Романовы: насильственное насаждение русского языка встречало суровый отпор в Финляндии, Польше, Прибалтике и мусульманских районах Кавказа. Кроме того, Россию сотрясали забастовки, устраиваемые недовольными рабочими. В 1910 году в стране прошло 222 стачки с зафиксированными полицией экономическими, а не политическими требованиями. В 1913 году число забастовок выросло до 2404, 1034 из которых уже относились к политическим; на следующий год из 3534 забастовок политическими были названы 2565. Барон Николай Врангель прозорливо отмечал: «Мы стоим перед событиями, подобных которым свет не видал со времен переселения народов. Скоро все, чем мы живем, покажется миру ненужным, наступит период варварства, который будет длиться десятилетиями»⁸.

Николай II был человеком рассудительным, гораздо более рациональным, чем кайзер, хоть и не блестящего ума. Подавив революцию 1905 года, вспыхнувшую после Русско-японской войны (развязанной с подачи Вильгельма II), царь понимал, что общеевропейский конфликт обернется катастрофой для большинства – а может, и для всех – участников. Однако он по-прежнему наивно уповал на общие интересы «профсоюза императоров», веря во взаимопонимание с Вильгельмом II и полагая, что и он настроен на сохранение мира. С другой стороны, на Николая II давили недавние поражения России – в схватке с японской армией в 1905 году, в единоборстве с австрийской дипломатией, когда в 1908 году Габсбурги присоединили Боснию и Герцеговину. Последнее задевало сильнее всего. В январе 1914 года царь категорично заявил бывшему министру иностранных дел Франции Теофилю Делькассе: «Мы не дадим себя затоптать!»^[41]

Ответственно относясь к своим монаршим обязанностям, Николай добросовестно просматривал все иностранные депеши и телеграммы, на многих докладах военной разведки остались его замечания. Однако широтой кругозора он не отличался, существовал почти как небожитель – в полной изоляции от народа, в окружении министров разной степени некомпетентности – и видел свою задачу в поддержании авторитарной власти. Во время визитов в глубинку он наблюдал издали восторженно приветствующих его крестьян, теша себя иллюзией любви российского народа к монархии. Ему казалось, что революционные и даже реформаторские настроения бродят лишь в среде евреев, студентов, безземельных крестьян и некоторых фабричных рабочих. Кайзер не посмел бы настолько бесцеремонно попираť народную волю: когда Дума проголосовала против строительства четырех линкоров для Балтийского флота, Николай II, пожав плечами, приказал линкоры строить. Даже решения 215 членов Государственного совета, состоящего в основном из дворян-землевладельцев, не имели особенного веса.

⁸ Зубов В. П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925). – М.: Индрик, 2004.

В 1914 году большого единодушия не наблюдалось ни в одном европейском правительстве, однако царящая в руководящих кругах Российской империи неразбериха поражала даже на этом фоне. Лорд Лансдаун саркастически заметил, имея в виду нерешительный характер российского монарха: «Единственный способ договориться с царем – уйти от него последним». Главным советником царя по политическим вопросам был министр иностранных дел Сергей Сазонов. Пятидесятилетный представитель мелкого дворянства, он много путешествовал по Европе и за годы службы при российском посольстве в Лондоне выработал болезненную подозрительность по отношению к замыслам Британии. Теперь он уже четыре года возглавлял Министерство иностранных дел. Его ведомство, по месту расположения называемое в обиходе «Певческий мост» – как французское Министерство иностранных дел носит название «набережная Орсэ», – почти не взаимодействовало с военным министерством и с его главой Владимиром Сухомлиновым, а последний, соответственно, не следил за международными событиями.

Российские государственные деятели делились на славянофилов и западников. Первые делали упор на развитие азиатской части России и разработку ее минеральных ресурсов. Дипломат барон Розен убеждал царя, что у империи нет других интересов в Европе, кроме сохранения границ, и, разумеется, из-за них не стоит развязывать войну. Однако над Розеном остальные советники подтрунивали как над «ненастоящим русским». Поскольку к Германии Николай II испытывал уважение и симпатию, всю свою враждебность он направлял на Австро-Венгрию. Не будучи приверженцем панславизма, он тем не менее отстаивал необходимость российского влияния на Балканах. Оправданность подобных притязаний с моральной и политической точки зрения остается предметом неутихающих споров.

Российская интеллигенция, вне всякого сомнения, царский режим презирала и ненавидела. Капитан Ланглуа, французский специалист по царской империи, писал в 1913 году, что «российская молодежь, к сожалению, поддерживаемая или даже подстрекаемая своими преподавателями, проникается антивоенными и даже антипатриотическими настроениями, которые нам и представить трудно»^[42]. Когда началась война, цинизм образованного сословия вылился в уклонение многих его отпрысков от воинской службы. В русской литературе не нашлось своего Кипплинга, который воспел бы империю. В русском характере отсутствие веры в себя парадоксальным образом сочеталось с агрессивным национализмом. Мыслящие подданные Николая II не могли забыть о череде проигранных войн – с британцами, французами, турками, японцами. Русско-японская война закончилась первым в Новейшей истории поражением европейцев от рук азиатов – тем сильнее было унижение. В 1876 году министр иностранных дел князь Горчаков мрачно заметил в разговоре с коллегой: «Мы великая и бессильная страна»^[43]. В 1909 году генерал А. А. Киреев сетовал на страницах своего дневника: «Мы стали державой второго сорта»^[44] – чувствуя, что имперское единство и нравственная целостность рушатся. Когда Россия беспрекословно приняла аннексию Австрией Боснии и Герцеговины, он воскликнул с горечью: «Позор! Позор! Лучше умереть!»

Новая страница российско-французских отношений началась в 1894 году, когда правительства двух стран подписали военную конвенцию, сознавая, что в одиночку ни та, ни другая не посмеет встретиться на ринге с Германией, представляющей общую угрозу, и что лишь альянс может оградить их от экспансионистских намерений кайзера. После подписания конвенции Франция начала передавать России крупные кредиты – главным образом на строительство стратегических железных дорог. Францию и Россию связывали прочные культурные узы, о чем свидетельствовали и дягилевские балетные сезоны, сводившие с ума весь Париж. Военная коалиция, известная как Франко-русский союз, постепенно развивалась и крепла: в 1901 году Россия пообещала Франции в случае объявления Германией войны выступить против агрессора не позднее чем через 18 дней. Поступающие из Франции средства шли на масштабную

программу перевооружения – Россия замахнулась в том числе на создание первоклассного флота к 1930 году.

Даже в мирное время царская армия была самой крупной в Европе (1,42 миллиона человек) – с перспективой увеличения до 5 миллионов при мобилизации. Однако могла ли она воевать? Многим иностранцам слабо в это верилось. Побывав на российских военных учениях, британский военный атташе писал: «Нам показали очень много шагистики и очень мало серьезной подготовки к современной войне»^[45]. Французский генерал Жозеф Жоффр, приглашенный на инспекцию николаевских войск в августе 1913 года, пришел к тому же выводу. Кроме того, он отметил у некоторых царских советников – в том числе и военного министра – открытую неприязнь к Франко-русскому союзу^[46]. Российскую армию тянуло назад слабое командование и хроническая раздробленность – как писал один историк, она напоминала скорее «телохранителя августейшей особы»^[47]. Во главу угла ставилась палочная дисциплина, а не мастерство и боевой дух, хотя командиры убеждали себя, что за братьев-славян солдаты будут сражаться охотнее, чем во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Россия гордилась своей ролью в освобождении большей части Балкан из-под османского владычества и не собиралась отдавать их под власть Австрии или Германии. Скандальная петербургская газета «Новое время» писала в июне 1908 года, что «лишь отрекшись от русских корней», можно допустить немецкое культурное господство в Южной и Восточной Европе^[48]. В 1913 году британский посланник в Белграде Барклай писал, что «Сербия стала, по сути, провинцией России»^[49]. Несомненное преувеличение, учитывая своеволие сербских руководителей, но все же Санкт-Петербург не скрывал своего покровительства Сербии. Стремление России обеспечить безопасность Сербии оказалось для Европы таким же роковым, как и поддержка Австрии Германией – с той лишь разницей, что Россия заняла оборонительную позицию, а Германия – наступательную. Со стороны России было по меньшей мере безответственно не потребовать от Сербии в обмен на свою поддержку прекращения подрывной деятельности сербов в империи Габсбургов.

Южные славяне проживали в четырех государствах – Австро-Венгрии, Сербии, Черногории и Болгарии – при восьми различных системах управления. За свой горячий патриотизм им пришлось заплатить кровью – шесть военных лет унесли около 16 % всего населения, почти 2 миллиона мужчин, женщин и детей. Сербия пережила две Балканские войны – в 1912-м и в 1913 году, увеличив свою территорию и мощь присоединением остатков Османской империи. В 1912 году российский министр иностранных дел заявил, что победа сербов и болгар над турками была бы самым нежелательным исходом Первой балканской войны, поскольку тогда агрессия балканских государств перекинется с магометан на германцев: «В этом случае... нужно готовиться к масштабной и решительной общеевропейской войне». Однако сербы и болгары одержали победу в конфликте. Последовавший сербско-румынский триумф во Второй балканской войне – спор из-за трофеев Первой – только ухудшил дело. Сербия удвоила свою территорию, присоединив Македонию и Косово. Сербы раздувались от гордости, самоуверенности и амбиций. Война казалась им благом.

В июне 1914 года российский посланник в Белграде, убежденный панславист Николай Хартвиг, делал, по общему мнению, все, чтобы столкнуть Сербию с Австрией в вооруженной схватке, которой Санкт-Петербург почти наверняка не желал. Российский посол в Константинополе жаловался, что Хартвиг – бывший ведущий колонки в газете – «ведет себя с безответственностью журналиста»^[50]. Сербия была молодой страной, вырванной из лап Османской империи лишь в 1878 году и теперь выросшей, словно опухоль, на юго-восточной границе империи Габсбургов. Западные государственные деятели посматривали на нее с недовольством и опаской. Тяга сербов к самоутверждению, выраженная в расхожей фразе «Где серб, там и Сербия», дестабилизировала Балканы. Европу раздражала позиция Сербии, выставившей

себя «гордой и стойкой жертвой». Сербы же обращались со своими собственными меньшинствами – особенно мусульманами – с неприкрытой и зачастую убийственной жестокостью. Все континентальные державы осознавали, что осуществить мечту о воссоединении с 2 миллионами братьев, находящимися пока под властью Габсбургов, сербам удастся, лишь низвергнув империю Франца Иосифа.

На территории 87 300 кв. км (меньше Румынии или Греции), где плодородные земли чередовались с бесплодными горами, проживало всего 4,5 миллиона сербов. Четыре пятых из них кормились плодами сельскохозяйственного труда, а кроме того, страна еще не изжила экзотическое восточное наследие долгого османского владычества. Все имеющееся в стране производство было связано с аграрным сектором – мельницы, лесопилки, сахарные и табачные фабрики. «Всего в двух с небольшим днях пути на поезде [из Лондона], – писал увлеченный британский путешественник перед войной, – находится дикая страна с исключительно плодородными землями, огромным потенциалом и историей, способной затмить любую сказку; страна героев и патриотов, которые в один прекрасный день могут поставить Европу на уши. <...> Я не знаю другой страны, где царила бы подобная красота и веял бы такой аромат Средних веков. Вся атмосфера проникнута романтикой приключений. Любая беседа пересыпается рассказами о подвигах и счастливых спасениях. <...> Каждому незнакомцу здесь рады, а англичанину – вдвойне»^[51].

Остальным Сербия виделась в менее романтичном свете: страна продолжала давние балканские традиции насильственной смены власти. В ночь на 11 июня 1903 года группа молодых сербских офицеров прокралась при свечах в личные апартаменты тирана Александра и ненавистной королевы Драги. Тела убитых нашли в саду, изрешеченные пулями и обезображенные. В числе офицеров был и Драгутин Димитриевич, который позже будет известен по сараевскому заговору как Апис: ранение, полученное в стычке с королевской гвардией, сделало его национальным героем. Когда из долгой ссылки в Швейцарию вернулся король Петр, чтобы занять трон номинально конституционной монархии, в Сербии продолжились междоусобицы. У Петра было двое сыновей: старший, Георгий, отъявленный повеса, получивший образование в России, вынужден был отказаться от притязаний на трон после скандала, разразившегося в 1908 году, когда он забил до смерти своего дворецкого. Его брат Александр, ставший наследником престола, подозревался в попытке отравить Георгия. Сербская королевская семья отнюдь не служила примером мирного сосуществования, а армия обладала не бóльшим авторитетом, чем войско какого-нибудь мелкого государства современной Африки.

Сербия, несмотря на аграрный уклад, могла похвастаться динамичной экономикой и интеллектуальным сословием, получившим западное образование. Один из его представителей в разговоре с иностранным гостем восхищался: «Я так люблю свою страну, здесь такая красота вокруг, мне все время вспоминается Пасторальная симфония Бетховена... – Он рассеянно насвистел несколько тактов. – Нет, ошибся. Это ведь Третья, да?»^[52] Свой экзотический восточный отпечаток оставили и столетия османского владычества. У американского корреспондента Джона Рида читаем:

«Станции осаждала пестрая толпа – мужчины в тюрбанах, фесках и остроконечных меховых шапках; в турецких шароварах, в длинных рубахах и рейтузах из кремового сермяжного полотна, в кожаных жилетах, расшитых цветными колесами и цветами, в коричневых суконных костюмах с узором из черных шнуров, в намотанных вокруг пояса красных кушаках, в кожаных сандалиях с круглыми носами и кожаными ремнями, идущими крест-накрест до самого колена; женщины в турецких чадрах и шароварах либо в ярко расшитых шерстяных с кожаными вставками куртках, с поясами из шелковой органзы, которую ткут в здешних деревнях, в вышитых полотняных подъюбниках, черных цветастых передниках, тяжелых верхних

юбках, сотканных в разноцветную полоску и подобранных сзади, в желтых или белых шелковых платках на голове»^[53].

В кофейнях мужчины пили турецкий кофе и ели каймак. По воскресеньям на деревенских площадях устраивались пляски – для свадеб, крестин и даже для каждой партии на выборах существовали свои танцы. Пели песни, часто политического содержания: «Если ты заплатишь за меня налоги, я за тебя проголосую!» Вот такой была страна, вызывающая у Австрии острую неприязнь и тревогу, которые российское покровительство только усиливало. Можно придерживаться какой угодно точки зрения на роль Сербии в кризисе 1914 года, однако на невинную жертву эта страна походила мало.

Западная Европа уже настолько привыкла к балканской жестокости, что вести об очередных ее проявлениях вызвали только презрительное пожимание плечами. В Париже в июне 1914 года общеевропейская ситуация казалась менее опасной, чем в 1905 и 1911 годах, когда острые противоречия между Тройственным союзом и Антантой были улажены дипломатическим путем^[54]. В 1913 году президентом Франции стал 53-летний экс-премьер-министр Раймон Пуанкаре, которому удалось сделать президентскую должность реальной, а не декоративной. И хотя он первым из своих предшественников с 1870 года удостоился чести обедать в немецком посольстве в Париже, подданные кайзера вызывали у него опасения и неприязнь, поэтому Пуанкаре считал содействие укреплению России магистральным направлением французской внешней политики. Немного найдется уважаемых историков, которые станут утверждать, будто Франция в 1914 году жаждала войны, однако Пуанкаре, в сущности, не оставил своей стране иного выбора. Германия была для Франции заклятым врагом. Не вызывало сомнений, что на Францию она нападет в первую очередь – прежде, чем двинется на Россию. Пуанкаре резонно полагал, что членам Антанты нужно держаться друг друга, иначе Германия разобьет их поодиночке.

Франция на редкость легко оправилась после поражения в войне с Пруссией в 1870 году. Как ни горько было вспоминать об аннексированных Бисмарком Эльзасе и Лотарингии (стратегической буферной зоне к западу от Рейна), кровоточащая рана национального сознания страны давно затянулась. Французская империя процветала, несмотря на хроническое недовольство среди мусульманских подданных – особенно в Северной Африке. Престиж армии был сильно подорван старшими офицерами, десятилетие демонстрировавшими жестокость, снобизм, глупость и антисемитизм на волне дела Дрейфуса, однако это осталось в прошлом, и теперь французскую армию признавали – все, кроме кайзера, – одной из самых внушительных боевых сил Европы. О растущем благосостоянии страны и приверженности прогрессу свидетельствовало появление первых телефонных будок, электрификация железных дорог и выпуск мишленовских карт и справочников. Братья Люмьер прокладывали путь кинематографии. Шла механизация транспорта, в Париже строилось четвертое в мире метро, которое вскоре будет перевозить по 4 миллиона пассажиров в год. Париж завоевал славу мировой культурной столицы, родины авангарда и гениальных живописцев.

Третью республику называли *république des paysans* – крестьянской. Несмотря на сохраняющееся социальное неравенство, землевладельцы во Франции пользовались меньшим влиянием, чем в других европейских державах. В стране развивалась система социального обеспечения, добровольное пенсионное страхование, страхование против несчастных случаев, государственное здравоохранение. Средний класс обладал большим политическим весом, чем в любой другой стране Европы: сам Пуанкаре был юристом, сыном государственного служащего, бывший и будущий премьер-министр Жорж Клемансо – врачом и сыном врача. Если аристократия и преобладала в какой-то сфере, то разве что в армии, хотя стоит отметить, что главные французские военные деятели 1914–1918 годов (Жозеф Жоффр, Фердинанд Фош и Филипп Петен) имели такое же скромное происхождение. Стремительно падал авторитет

церкви среди крестьян и рабочих масс, сохраняясь тем не менее среди аристократии и буржуазии^[55]. Росла социальная свобода населения: несмотря на то, что статья 213 Кодекса Наполеона по-прежнему обязывала жену повиноваться мужу, все больше женщин осваивало юридические и медицинские специальности; Мария Кюри – обладатель двух Нобелевских премий – яркое тому подтверждение.

Сельский быт оставался примитивным – крестьяне все еще жили бок о бок со своей скотиной. Иностранцы морщили нос при упоминании французских стандартов гигиены – большинство французов мылось лишь раз в неделю, и нижние слои среднего класса прятали грязь под накладными воротничками и манжетами^[56]. Во Франции с большей терпимостью, чем в любой другой стране Европы, относились к публичным домам (вопрос, как это расценивать – как просвещенность или как отсталость, – остается открытым). Нешуточную проблему представлял алкоголизм, усугубленный растущим благосостоянием: средний француз выпивал 162 литра вина в год, а некоторые шахтеры буквально топили усталость в вине, употребляя до 6 литров в день. В стране было полмиллиона баров – по одному на каждые 82 человека. Матери добавляли немного вина в рожки с молоком, врачи прописывали спиртное как лекарство – даже детям. Алкоголь олицетворял мужественность, пить пиво или воду считалось непатриотичным.

Французским политикам не давало покоя демографическое превосходство Германии. С 1890 по 1896 год (именно тогда родились многие из тех, кому предстояло сражаться в Первой мировой) подданные кайзера Вильгельма II произвели на свет вдвое больше детей, чем Республика; согласно переписи 1907 года, население Франции составляло около 39 миллионов, то есть на каждую пару французов приходилось трое немцев^[57]. Работающие француженки получили оплачиваемый отпуск по беременности и родам, а также пособие на грудное вскармливание. Значительно выросли требования к здоровью нации по сравнению с началом XX века, когда каждый десятый новобранец французской армии оказывался ростом ниже 152 см. Однако многие буржуазные семьи, несмотря на все проповеди, ограничивались одним ребенком^[58]. Введенный в 1913 году закон о трехлетнем сроке обязательной военной службы Пуанкаре представил как необходимую оборонную меру^[59]. Титаническими усилиями Франция восстановила статус великой державы. Однако почти никто – даже сами французы – не считал ее способной потягаться с Германией в единоборстве. Именно поэтому она искала поддержку у России.

Британия, последний, третий столп Антанты, представляла собой самую большую империю в истории мира и оставалась крупнейшей финансовой державой, однако прозорливые современники понимали, что британское господство уже на исходе. Несмотря на растущее благосостояние, социально-политическое расслоение обострялось. Если 5 миллионов наиболее зажиточных британцев располагали совокупным годовым доходом 830 миллионов фунтов, то примерно такая же сумма (880 миллионов фунтов) приходилась на оставшиеся 38 миллионов населения. Журналист Джордж Дейнджерфилд в своем фундаментальном труде «Странная смерть либеральной Англии», оглядываясь на жизнь Британии в эдвардианскую и постэдвардианскую эпоху, пишет:

«Новый финансист, этот новоявленный плутократ, не обладал и толикой той ответственности, которая когда-то служила мерилом английскому землевладельческому классу. Это был совершенный космополит, говорящий на языке денег. <...> Откуда брались эти деньги? Никого не интересовало. Они есть, их можно тратить, ими можно сорить – такую моду задавали новые хозяева. <...> В последние предвоенные годы в обществе расцвела откровенная плутократия, средний класс стал более подобоострастным и зависимым, и только рабочие никак не участвовали в дележе. <...> Средний

класс... смотрел на английских промышленников с завистью, страхом и злобой»^[60].

В схожих красках описывал предвоенный период Чарльз Монтегю в своем автобиографическом романе «Суровая справедливость» (Rough Justice) в 1926 году: «Английский мир, каким он его знал, в который верил, рассыпался на куски, начиная с верхушки. <...> Кажется, старые наездники ссорились со своими лошадьми – боялись их, старались не подходить лишний раз, когда те нуждались в их внимании, разучились понимать их нужды и неспешные миролюбивые мысли. <...> Испокон веков власть правящего класса зиждилась на любви и уважении его представителей к своим арендаторам, работникам, слугам, солдатам и морякам, с которыми они всю жизнь плечом к плечу занимались сельским хозяйством, спортом и охотой, растили детей, сражались и совершали мирные подвиги»^[61]. Эта сентиментальная чушь все же отражала немаловажный факт: аристократия и консерваторы боролись не на жизнь, а на смерть против социальных реформ, начатых либералами в 1909 году.

Большинство британцев в повседневной жизни – к добру или к худу – с правительством и бюрократическими структурами практически не сталкивалось. Для заграничных путешествий не требовался паспорт, можно было свободно обменивать неограниченные суммы денег, иностранец мог поселиться в Британии, не испрашивая одобрения властей. И хотя после прихода к власти в 1905 году либералы увеличили вдвое расходы на социальное обеспечение, 200 миллионов фунтов, собранных посредством различных налогов в 1913–1914 годах, составляли менее 8 % национального дохода. Школу заканчивали в 13 лет, с 70 гражданину Британии полагалась мизерная пенсия, а в 1911 году Ллойд Джордж создал примитивную страховую программу на случай болезни и безработицы.

Тем не менее на исходе первого десятилетия нового века британский рабочий оказался беднее, чем в 1900 году, а значит, недовольнее. Постоянно вспыхивали конфликты и забастовки, особенно в угольной отрасли. В 1910 году забастовали моряки и докеры, требуя ввести минимальную заработную плату и улучшить условия труда; нередко простаивал из-за стачек и транспорт. Работницы кондитерской фабрики в Бермондси, которым платили от 7 до 9 шиллингов в неделю (молодым девушкам – по 3 шиллинга), выбили повышение на 1–4 шиллинга в неделю, отказавшись подходить к конвейеру. В 1911 году свыше десяти миллионов трудодней ушли на забастовки (для сравнения: в 2011 году забастовки отняли 1,4 миллиона трудодней). Зачинщиками выступали не руководители профсоюзов, многие из которых трусили не меньше работодателей, – воинственные настроения зрели непосредственно в цехах. Отчаявшийся секретарь профсоюза в разговоре с трудовым арбитром недоумевал, что творится со страной: «Такое впечатление, что все разом сошли с ума»^[62].

Тяжелую руку государства бунтующий рабочий класс ощущал прежде всего, когда власти прибегали для умирения недовольных к помощи армии. В 1910 году войска отправили подавлять восстание в угольных копях Ронда-Вэлли: в Тоунипанди были откомандированы гусары и ланкаширские стрелки. Уинстон Черчилль на посту министра внутренних дел запугивал кавалерией лондонский Ист-Энд, прибежище тысяч бастующих докеров. Во время забастовки железнодорожников мэр Честерфилда подстрекал войска стрелять в толпу, громившую городскую станцию, но командующий офицер благоразумно отказался отдавать приказ.

Наименее сговорчивыми представителями тогдашнего капитализма были владельцы угольных шахт: в 1912 году они сообща отвергли требования профсоюза о плате 5 шиллингов за смену мужчинам и 2 шиллинга – мальчикам (знаменитые «пять и два»). И это в те времена, когда лондонские виноторговцы Berry Bros брали 96 шиллингов за дюжину бутылок шампанского Veuve Clicquot и 60 шиллингов за дюжину Nuits Saint-Georges 1898 года. В тот год в результате забастовок пропало свыше 38 миллионов трудодней. Рабочим было на что жаловаться: в октябре 1913 года взрыв на Сенгенидском руднике, случившийся из-за преступного пренебрежения техникой безопасности со стороны руководства, унес 439 жизней. Пре-

мьер-министр Герберт Асквит в палате общин со слезами на глазах призывал бастующих рабочих вернуться в шахты. Его супруга Марго, несдержанная особа, напористая и не склонная к взвешенным суждениям, пожелала лично встретиться с руководителем шахтеров, чтобы разрешить конфликт. В ответ на отказ последовала сердитая запись: «Можно ведь было никому и не говорить о нашей встрече». С 1910 по 1914 год число членов профсоюзов выросло с 2,37 до почти 4 миллионов. За семь месяцев до начала войны британская промышленность пережила 937 забастовок.

Кризис в Ольстере не меньше забастовок накалял обстановку в стране. С 1912 по 1914 год в Великобритании существовала реальная угроза гражданской войны. Асквиту пришлось заплатить предоставлением Ирландии самоуправления за голоса ирландских депутатов при подписании крайне спорного бюджета на 1909 год, основы «государства всеобщего благосостояния» (Welfare State). После этого ольстерские протестанты, не намеренные становиться меньшинством под властью католиков, начали вооружаться. Билль о гомруле (закон о самоуправлении Ирландии), выдвинутый тогда в парламенте, встретил яростное сопротивление Консервативной партии и ее руководителей – вплоть до подготовки вооруженного сопротивления его подписанию. Многие аристократы владели недвижимостью в Ирландии, что лишь повышало ненависть к Асквиту.

В марте 1914 года ряд армейских офицеров открыто отказался участвовать в подавлении так называемого «Куррахского мятежа», что привело к отставке начальника генерального штаба фельдмаршала сэра Джона Френча и военного министра полковника Джека Сили. Последний в запале заявил главнокомандующему, что офицеры, которые не желают исполнять свой долг в Ольстере, могут «исчезнуть». Генерал-майор сэр Генри Вильсон, начальник оперативного управления в военном министерстве, писал, ликуя, в дневнике: «Мы, военные, победили Асквита с его подлыми фокусами»^[63]. Портфель военного министра был временно передан премьеру.

Возглавляемые Асквитом либералы сформировали одно из самых талантливых правительств в истории Британии. В 1914 году в нем состояли такие фигуры, как министр финансов Ллойд Джордж, первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль, бывший военный министр-реформатор, а теперь лорд-канцлер Ричард Холдейн. Сам премьер-министр принадлежал скорее к минувшей эпохе, успев 12-летним мальчишкой застать смертную казнь в 1864 году, когда под стенами Ньюгейтской тюрьмы болтались на виселице пять тел с белыми колпаками на голове. Юристу Асквиту, выходцу из скромных слоев среднего класса, по словам его биографа, «была свойственна римская сдержанность. Он подавлял в себе любые проявления сильных чувств»^[64]. Джордж Дейнджерфилд пошел дальше, утверждая, будто у Асквита отсутствовало воображение и страсть; будто, несмотря на весь свой глубокий ум, он не сумел достойно справиться ни с одним из кризисов, потрясших Британию за время пребывания на посту премьера: «Он был изобретателен, но ему недоставало тонкости, он мог блестяще импровизировать на заданную другим тему. Он был умеренным империалистом, умеренно прогрессивным, обладал умеренным чувством юмора, и ему, заядлому либералу, не хватало умения финтить»^[65]. Даже по этой язвительной характеристике можно предположить, что к августу 1914 года Асквит был уже уставшим от жизни стариком.

Британские политики вели себя все агрессивнее и разнузданнее. Лорд Холсбери, старый юрист из партии консерваторов, в своих речах ниспровергал «правительство, контролируемое закоренелыми социалистами»^[66]. Депутат от Консервативной партии швырнул в Уинстона Черчилля сборник инструкций в библиотеке палаты общин, попав прямо в лицо. Если до разгара ольстерского конфликта руководителей партий-соперниц часто можно было видеть в одной гостиной, то теперь они и их соратники и близко друг к другу не подходили. Когда Марго Асквит попыталась опротестовать отказ в приглашении на майский бал у лорда Керзона, где предполагалось присутствие королевской четы, Керзон ответил высокомерно, что «было бы поли-

тическим лицемерием приглашать, пусть даже на светское мероприятие, жену и дочь главы правительства, к которому большинство моих друзей состоит в непримиримой оппозиции».

В ноябре 1911 года шотландец канадского происхождения Эндрю Бонар Лоу, сменив Артура Бальфура на посту предводителя тори, разыграл ольстерскую «оранжевую карту» в циничном маневре против либералов. 28 ноября 1913 года глава «оппозиции Его Величества» публично обратился к британской армии с призывом не навязывать гомруль в Северной Ирландии. Этот вопиюще неконституционный поступок тем не менее обеспечил Бонару Лоу поддержку собственной партии и большинства аристократии, не вызвав при этом нареканий со стороны короля. Среди юнионистов выделялся юрист сэр Эдуард Карсон, обвинитель на судебном процессе по делу Оскара Уайльда, метко названный «эрудированным фанатиком»^[67]. Капитан Джеймс Крейг, возглавлявший бунтующий Ольстер, писал: «За границей распространяется мнение, которое я могу подтвердить и из собственных соображений, что Германия с немецким императором и то были бы предпочтительнее Джона Редмонда [и других сторонников ирландского самоуправления]».

Фельдмаршал лорд Робертс, самый знаменитый британский ветеран, во всеуслышание одобрил отгрузку ружей протестантским повстанцам в апреле 1914 года и объявил, что любая попытка поставить Ольстер на колени «погубит армию». Тысячи вооруженных ирландцев вышли на открытый парад в Белфасте, где выступили с обращениями Карсон, Крейг и самый главный подстрекатель из числа консерваторов, Ф. Э. Смит. И все это время британское правительство бездействовало. В южной Ирландии воинствующие националисты, беря пример с Карсона, тоже решили бросить вызов парламенту, начав добывать оружие и для себя. Однако к ирландским националистам британская армия отнеслась отнюдь не столь терпимо, как к ольстерским оранжистам. В воскресенье 26 июля 1914 года на Бэчелорс-Уок в Дублине солдаты начали стрелять по безоружным горожанам – якобы причастным к контрабанде оружия. Трое человек погибли, 38 было ранено.

Если Британская империя в целом считалась могущественной и процветающей державой, то правительство Асквита называли откровенно слабым. Оно явно не справлялось ни с масштабными протестами в промышленной области, ни с ольстерским безумием. Ему оказались не по зубам даже суфражистки, громко требующие избирательного права для женщин. Активистки били окна по всему Лондону, выжигали кислотой лозунги на полях для гольфа и устраивали голодовки в тюрьмах. В июне 1913 года, кинувшись под копыта королевской лошади на дерби, погибла суфражистка Эмили Дэвидсон. За первые семь месяцев 1914 года они подожгли 107 зданий.

Критикующие Асквита не учитывали одного очевидного факта: не было никого, кто мог бы сдержать мощные социально-политические силы, сотрясавшие Британию. Джордж Дейнджерфилд писал: «Мало кому из премьер-министров за всю историю страны выпадало столько испытаний за такой короткий срок»^[68]. «Стране грозит революция», – высказался в разговоре с Уилфридом Блантом выдающийся сторонник ирландского самоуправления Джон Диллон^[69].

Внутренние проблемы Британии сильно влияли на международную репутацию: видно было, что великая демократия переживает упадок и разложение. Союзницы Британии, Франция и Россия, цепенели в ужасе. Предполагаемые враги – в частности, Германия – с трудом верили, что быющая в таких конвульсиях страна (где даже небольшую армию раздирали разногласия) способна угрожать их континентальному владычеству и амбициям.

2. Военные планы

Многие европейцы предвидели (с разной степенью воодушевления), что рано или поздно два противоборствующих альянса сойдутся в поединке. Войну на Континенте не считали чем-то немислимым, наоборот, она виделась крайне вероятным и приемлемым исходом международных трений. В Европе насчитывалось 20 миллионов кадровых военных и резервистов, и у каждого государства имелись планы, как их можно использовать в чрезвычайных обстоятельствах. Все стороны предпочли бы атаковать первыми. Полевой устав британской армии за 1909 год, главным автором которого был Дуглас Хейг, утверждал: «Убедительной победы в бою можно достичь лишь решительным наступлением». В феврале 1914 года российская военная разведка передала своему правительству два немецких меморандума, где обсуждалась необходимость подготовки общественного мнения к войне на два фронта. Третья участница Тройственного союза, Италия, номинально должна была сражаться на стороне Германии и Австрии, а значит, Франции следовало сосредоточивать войска не только на границе с Германией, но и на юго-восточных подступах. Однако европейские державы (не исключая саму Италию) не могли сказать наверняка, что будет делать Италия в случае войны. Ясно было только, что Рим в конечном итоге поддержит того, кто пообещает удовлетворить его территориальные амбиции.

В 1906 году начальник штаба немецкой армии Гельмут фон Мольтке унаследовал от своего предшественника графа Альфреда фон Шлиффена планы по массированному вторжению в северную Францию в обход Парижа, чтобы разбить французскую армию прежде, чем в войну вступит Россия. На протяжении всего XX века именно вокруг шлиффеновской доктрины разворачивались дебаты о том, могла ли Германия выиграть войну в 1914 году. Уверенность немецких властей, что они смогут развязать общеевропейский конфликт, основывалась целиком и полностью на этой концепции – или, если точнее, на ее интерпретации Мольтке.

Кайзеру нравилось делать вид (иногда успешно), что он правит Германией безраздельно. Назначенный им канцлер, либерал-консерватор Бетман-Гольвег, исчерпал все свое влияние, изо всех сил пытаясь укротить все более враждебный рейхстаг. Однако могущественнейшей фигурой в вильгельмовской империи был Мольтке, под командованием которого находилась самая устрашающая военная сила Европы. Он мало походил на типичного генерала – исповедовал христианскую философию, играл на виолончели и временами впадал в глубокую меланхолию – его прозвали «*der traurige Julius*», «печальный Юлий». Не вызвала сомнений его любовь к жене, которая поощряла увлечение мужа потусторонним миром, спиритизмом и оккультными науками. Мольтке считал, что занимает высочайшую должность на свете. Он и его армия не держали ответа ни перед одним политиком, только перед кайзером.

Генеральный штаб, над которым он начальствовал, был самым авторитетным ведомством в Германии. В здании на Кенигсплац в Берлине, где квартировал и Мольтке с семьей, трудились 625 сотрудников. Система безопасности была строжайшей: никаких секретарей и клерков, все документы подписывали штабные офицеры. Утром после ухода уборщиц ни одна женщина, кроме Элизы Мольтке и ее горничной, в здание не допускалась. Каждый год после подписания нового плана мобилизации экземпляры устаревшей версии тщательно уничтожались. К новым технологиям штаб практически не приобщался: автомобилями не располагал, даже в могущественном железнодорожном отделе имелась всего одна пишущая машинка, срочные телефонные звонки делались из единственного автомата в коридоре. Не было столовой, большинство офицеров приносили обед с собой и съедали на рабочем месте, притом что трудовой день длился от 12 до 14 часов. Каждого сотрудника Генерального штаба приучали к мысли, что он представитель священной элиты, подчиняющейся строгим нормам поведения: например, офицерам не позволялось появляться в баре, облюбованном социалистами.

Сам Мольтке старался производить впечатление сильного человека – вскоре эта иллюзия развеялась, однако успела сыграть существенную роль в завязке войны. Образованный и эрудированный, Мольтке возвысился благодаря личным связям с кайзером, установившимся, когда он служил адъютантом при своем дяде, Мольтке-старшем, победившем Францию в войне 1870–1871 годов. Вильгельм II проникся симпатией к племяннику героя, убежденный, что гений старшего заговорит и в младшем. Однако назначение Гельмута начальником Генштаба стало для многих шокирующей неожиданностью. Один из бывших преподавателей Мольтке, обучавший его военной подготовке, писал: «Этот человек может наделать много бед»^[70]. Выбор Вильгельма II был продиктован исключительно личными взаимоотношениями: он находил генерала приятным собеседником с обходительными манерами (обязательное требование для придворных во все времена). Мольтке показал себя компетентным офицером, не проявляя (или не имея возможности проявить) задатков военного гения.

По иронии судьбы как раз Мольтке-старший после 1890 года отстаивал идею, что будущее Европы отныне должно определяться за столом переговоров, а не на поле битвы: по его мнению, для Германии война свои выгоды исчерпала. Однако начиная с 1906 года его гораздо менее одаренный племянник склонялся к мысли, что шлиффеновский план большого охвата обеспечит Германии господство в Европе. В феврале 1913 года Мольтке сообщил начальнику австрийского генштаба Конраду фон Гетцендорфу: «Судьба Австрии будет окончательно решаться не на Буге, а скорее на Сене»^[71]. Он проникся убеждением, что за новыми технологиями – воздушными шарами и механическим транспортом – будущее централизованного управления немецкими войсками. Другие старшие офицеры были настроены куда более скептически. Карл фон Эйнем, в частности, предупреждал, насколько трудно будет управлять почти тремя миллионами человек и насколько опрометчиво рассчитывать на слабо подготовленных резервистов. Он практически предугадал, что во время «эпического марша» через Францию темп продвижения будет неуклонно снижаться.

Тем не менее Мольтке оставался если не энтузиастом, то по меньшей мере фаталистом, убежденным в неизбежности войны с Россией и Францией. В октябре 1912 года 64-летний Мольтке заявлял: «Если война грянет, надеюсь, она начнется как можно скорее, пока я еще не слишком стар, чтобы достойно себя показать». Он уверял кайзера, что решительное наступление можно выиграть без труда, и не отказался от своих слов в начале июльского кризиса 1914 года. И в то же время – загадочный человек – начальник Генерального штаба не переставал терзаться сомнениями и страхами, которые еще проявят себя самым драматичным образом в разгар конфликта. Рациональная часть его сознания подсказывала, что масштабное столкновение между великими державами никак не может быть мимолетным, а значит, война предстоит долгая и трудная. Кайзер однажды услышал от него: «В следующей войне будут воевать целые народы. Ее нельзя будет решить одним крупным сражением, это будет долгая изматывающая борьба с врагом, победить которого будет возможно, лишь сломив сопротивление всей его нации... эта война вытянет из нас все человеческие ресурсы, даже если мы победим».

Однако его поведение в предвоенные годы плохо согласовывалось с этой взвешенной осторожностью. Он смирился с возможностью великого столкновения европейских держав со спокойствием, которого другим – например, Бетману-Гольвегу и кайзеру – иногда не доставало. Верховного командующего немецкой армией одолел нередкий среди полководцев разных стран и эпох недуг: он жаждал доказать своему правительству и народу, что дорогостоящая армия способна удовлетворить их амбиции. Вот прославленная (или бесславная) тирада Мольтке, произнесенная перед князем фон Бюловом: «Храбрости у меня достаточно, мне не хватает быстроты реакции: я слишком рассудителен, дотошен или, если хотите, слишком добросовестен для такой должности. Я не умею идти ва-банк». И все же, опровергая собственную характеристику, Мольтке жаждал, добыв стране победу, продемонстрировать, что достоин (вопреки мнению многих современников) своего ответственного поста. Это требовало опера-

тивной мобилизации и распределения боевых сил – сосредоточения на границе небольшой армии для удержания русских, пока основная масса сил стремительно (за 40 дней) захватит Францию, чтобы затем повернуть на восток.

Австро-венгерские планы отличались большей гибкостью (на самом деле хаотичностью), поскольку империя не могла знать наверняка, придется ли сражаться только с Сербией (как надеялись австрийцы) или возникнет второй фронт на галицийской границе с российской Польшей. Экстравагантные личности соперничали за внимание к своей особе на европейской арене в 1914 году, однако Конрад Гетцендорф выделялся и среди них. Черчилль описывал его как «темноволосого, невысокого, хрупкого и худого аскета с пронзительным взглядом»^[72]. Трудно вообразить человека менее подходящего на доставшуюся ему роль: к фантастической некомпетентности добавились крайне империалистические убеждения, ведущие к мечтам о том, как Габсбурги завладеют Адриатикой, восточным Средиземноморьем, Балканами и Северной Африкой. Он полностью соответствовал данному Мольтке-старшим определению самого опасного типа офицеров – сочетание глупости с неумной активностью. Жена его умерла десятью годами ранее, и он проживал с матерью, а потом окончательно потерял голову, влюбившись в супругу пивного магната Вирджинию фон Райнингхаус. Он внушил себе, что, обеспечив Австрии громкую победу и воспарив на крыльях славы, убедит свою Джину развестись с мужем и выйти за него, Гетцендорфа. В своих письмах к ней он возлагал надежды на «войну, с которой я вернусь увенчанный лаврами, и этот триумф разрушит все барьеры между нами... и позволит сделать вас моей законной женой».

С 1906 года Конрад требовал начать военные действия против Сербии. За 17 месяцев, с 1 января 1913-го по 1 июня 1914 года, начальник Генштаба успел обратиться к правительству с этим требованием 26 раз. На День святого Валентина 1914 года он утверждал в письме к Мольтке, что Австрии срочно необходимо «разорвать кольцо, которое снова сжимается вокруг нас». Для Конрада – и даже для Берхтольда – смерть эрцгерцога была не основанием, а лишь долгожданным поводом развязать войну. Наблюдая угасание Османской империи, посрамленной молодыми и уверенными в себе балканскими странами в региональных конфликтах последних трех лет, Конрад считал Сараево последним шансом для Австрии избежать аналогичной судьбы, уничтожив воплощенную в Сербии навязчивую славянскую угрозу. «Такая древняя монархия и такая древняя армия [как габсбургские] не могут бесславно погибнуть», – заявлял он^[73].

Министр иностранных дел Австрии Берхтольд характеризовал политику Конрада в июле 1914 года словами: «война, война, война». Одержимый желанием поскорее смыть позор поражения 1866 года в войне с Пруссией, генерал проклинал «это никчемное перемирие, которое все никак не закончится». Жажда военного конфликта не давала подумать о практических аспектах. Уже много лет австрийская армия отставала от соседей, постепенно хирея. Парламент отказывался повышать налоги, и большую часть доступных средств поглощал военноморской флот. И хотя производимое австрийской промышленностью вооружение было на высоте – особенно тяжелая артиллерия и винтовки M95, армии не хватало денег, чтобы закупать их в достаточном количестве.

В пестрой мешанине этнических групп, составлявших империю, копилось недовольство. По данным 1911 года, на каждую тысячу австро-венгерских солдат приходилось в среднем 267 немцев, 233 венгра, 135 чехов, 85 поляков, 81 украинец, 67 хорватов и сербов, 64 румына, 38 словаков, 26 словенцев и 14 итальянцев. В офицерском корпусе, напротив, 76,1 % составляли немцы, 10,7 % – венгры и 5,2 % – чехи. Если считать в пропорции к населению, доля немцев в командном составе была превышена в три раза, доля венгров должна была быть вдвое больше, а славянам доставалась лишь 1/10 от законной доли^[74]. Таким образом, австрийская армия напоминала колониальную – славянскими стрелками командовали немцы, подобно тому как британские офицеры командовали индийскими войсками. По сравнению с другими европей-

скими державами Австрия почти не имела надежды подкрепить свои притязания успехами на ратном поле. Конрад попросту рассчитывал, что возможный удар со стороны России, если та вступится за Сербию, примет на себя Германия.

Берлин побуждал Вену принять жесткие меры в отношении сербов. Еще в 1912 году Вильгельм и Мольтке уверяли Франца Фердинанда и Конрада, что те «могут всецело рассчитывать на поддержку Германии при любых обстоятельствах» – некоторые историки назовут это «первым карт-бланшем». Берлин не делал тайны из этого уговора: 28 ноября статс-секретарь Альфред фон Кидерлен-Вехтер сообщил рейхстагу: «Если Австрию по какой бы то ни было причине вынудят доказывать свой статус великой державы, мы должны встать на ее сторону». Бетман-Гольвег выступил с подобным заявлением 2 декабря – если Россия нападет на Австрию, отстаивающую свои законные интересы на Балканах, «мы будем сражаться за сохранение нашей собственной позиции в Европе, защищая свое будущее».

Состоявшаяся 8 декабря 1912 года в королевском дворце встреча кайзера со своими полководцами (за исключением отсутствовавших Бетмана-Гольвега и министра иностранных дел Готлиба фон Ягова) оставалась объектом пристального внимания в течение трех поколений после того, как о ней стало известно. Вильгельм и верховные немецкие генералы и адмиралы обсуждали утверждение лорда Холдейна, что Британия обязана обеспечить равновесие континентальных сил. И хотя протокол не велся, сразу после заседания Георг Мюллер, начальник Военно-морского кабинета Вильгельма, процитировал в дневнике слова Мольтке: «Война, и чем скорее, тем лучше». От себя адмирал добавил: «Он не делает следующего логического шага – а именно предъявить России, или Франции, или им обоим ультиматум, позволяющий развязать войну с полным на то основанием»^[75].

Цитату Мюллера подтверждают еще три источника, в том числе уполномоченный по военным делам Саксонии в Берлине, который 11 декабря писал своему военному министру: «Его Превосходительство фон Мольтке желает войны. <...> Его Превосходительство фон Тирпиц, с другой стороны, предпочел бы повременить годик, пока будет готов [Кильский] канал и база подводных лодок в Гельголандской бухте»^[76]. По итогам заседания 8 декабря немецкие власти договорились начать кампанию в прессе по подготовке нации к войне с Россией, однако до дела не дошло. Мюллер изложил результаты заседания в письме Бетману-Гольвегу. Даже если отвергнуть мрачный тезис Фишера, что со времен этого военного совета в 1912 году политика Германии была направлена на развязывание общеевропейского конфликта, дальнейшее поведение Берлина явно свидетельствует о том, что он на редкость спокойно относился к возможности такого исхода. Руководители страны не сомневались, что преимущество будет на стороне Германии, если не дать России закончить запланированное к 1916 году перевооружение. В частности (как не преминул сообщить кайзеру Мюллер), некоторые старшие офицеры настолько безоговорочно верили в неизбежность войны, что поспешили перевести личные средства и акции в золото.

Бетман-Гольвег временами заметно противоречил сам себе. Например, в июне 1913 года он сказал: «С меня хватит войны, воинственных речей и постоянного вооружения. Пора уже великим державам уgomониться и заняться миром. Иначе действительно дойдет до взрыва, который никому не нужен, но всех изувечит». Тем не менее канцлер играл ведущую роль в укреплении немецкой военной машины. В беседе с фельдмаршалом Вильгельмом фон дер Гольцем он сообщил опытному полководцу и военному стратегу, что добьется от рейхстага военного финансирования в любых объемах. Гольц ответил, что в таком случае армии лучше поторопиться со списком необходимого. «Да, – ответил канцлер, – но если попросите слишком много денег, придется как можно быстрее продемонстрировать, что они потрачены не впустую, – то есть нанести удар». Гольц идею поддержал. Но Бетман-Гольвег заколебался: «Однако даже Бисмарк предпочел избежать упреждающую войну в 75 году». Его сильно беспокоило, что Железный канцлер на склоне лет решил избавить Германию от очередного конфликта.

Гольц на это ответил с усмешкой, что Бисмарку, почивающему на лаврах после побед в трех войнах, конечно, ничего не стоило превратиться в миротворца. Бетман-Гольвег стал основной движущей силой, проталкивавшей через парламент гигантский военный бюджет на 1913 год, существенно повысивший военную мощь страны.

Мольтке был не единственным немецким полководцем, который все 19 месяцев (между военным советом в декабре 1912 года и началом войны в августе 1914 года) жаждал, чтобы европейские страны сошлись в открытой схватке. В мае 1914 года генерал-квартирмейстер граф Георг фон Вальдерзее написал меморандум, оптимистически оценивающий ближайшие стратегические перспективы Германии и куда более мрачно – долговременные: «У Германии нет оснований ожидать нападения в ближайшем будущем, однако... помимо того, что ей попросту нецелесообразно избегать конфликта, есть еще более важный фактор: вероятность достижения быстрой победы в крупной европейской войне и для Германии, и для Тройственного союза в целом сегодня еще достаточно высока. Вскоре, однако, это преимущество исчезнет»^[77]. В общем и целом документальных свидетельств, подтверждающих, что немецкое руководство в 1914 году стремилось к войне, насчитывается гораздо больше, чем подкрепляющих альтернативные теории, выдвинутые в последние годы.

Антанту роднило с Тройственным союзом то, что и в том, и в другом альянсе лишь двое из участников всерьез готовились сражаться вместе. Антанта основывалась на доброй воле партнеров и обеспечивала возможную – но не гарантированную – военную поддержку: Франция и Россия были связаны друг с другом крепче, с Британией – слабее. Россия прекрасно понимала, что придется сражаться на оголенном польском фронте, уязвимом с севера и запада для Германии, а с юга – для империи Габсбургов. Как можно скорее направить туда мобилизованные войска на укрепление рубежей представлялось России необходимой мерой для спасения Польши.

Еще в 1900 году страны Антанты договорились об одновременном выступлении против Германии в Восточной Пруссии и против Австрии в Галиции. И хотя в 1905 году были колебания, к 1912-му участницы подтвердили договоренность и с тех пор ее придерживались: слишком уж заманчивой казалась идея завоевать австрийскую Галицию, заполучив на пути неприятеля естественную преграду в виде Карпат. Участницы имели две альтернативные стратегии. Первая, «План G», была разработана на тот маловероятный случай, если Германия двинет основные свои силы на восток. Вторая, которая и пошла в ход в 1914 году, называлась «План А». Согласно ей, две армии должны были войти в Восточную Пруссию, чтобы подготовить вторжение в Германию. Тем временем еще три армии нанесут основной удар по австрийцам, тесня их к Карпатам.

Франция готовилась применить против Германии свой «План XVII». Отшлифованный Жоффром, он все же был проработан далеко не так подробно, как стратегия Мольтке. Если Шлиффен разрабатывал план масштабного вторжения во Францию, то французский Генеральный штаб едва набросал схему операции против немецкой армии, которая тем не менее предполагала существенно продвинуться в глубь владений кайзера. В основном «План XVII» рассматривал переброску войск к границе, но не содержал ни графиков операций, ни четких территориальных целей. Гораздо важнее самого плана были концепция и доктрина, с мессианским пылом пропагандируемые начальником штаба. «Для французской армии, – гласил разработанный Жоффром устав 1913 года, – возвращающейся к своим традициям, отныне не существует другого закона, кроме наступления». Лучший берлинский информатор в Париже – «Агент 17» (австрийский «бульвардье» барон Шлуга фон Таштенфельд) основные сведения собирал по аристократическим салонам. Он сообщил Мольтке (и не ошибся), что Жоффр, скорее всего, направит основной удар на Арденны, в центр фронта.

Начальник французского штаба был технарем, а не стратегом. Еще в детстве за угрюмость он получил прозвище «le pere Joffre» – «папаша Жоффри». Немецкая разведка характеризовала его как человека трудолюбивого и ответственного, однако считала, что ему не хватает находчивости и гибкости, чтобы достойно ответить на такую хитроумную уловку, как шлиф-феновский охват. Французские политики, однако, Жоффра хвалили, поскольку – в отличие от многих своих коллег – он не пытался тешить личные политические амбиции. Кроме того, им нравилась его прямота. Существует легенда про то, как Жозеф Кайо, руководивший Францией во время Агадирского кризиса, спросил недавно назначенного начальника штаба: «Генерал, говорят, что Наполеон вступал в войну лишь при условии шансов на победу 70 к 30. У нас есть такие шансы?» «Нет, господин премьер-министр», – кратко ответил Жоффри.

Даже если в 1911 году начальник штаба действительно придерживался столь осторожных взглядов, с тех пор он значительно осмелел. Жоффри считал, что союз с Россией давал французской армии силы, необходимые для победы над Германией, и, главное, поднимал боевой дух. Он был подвержен заблуждению, распространенному среди европейских военных в 1914 году, – чрезмерной вере в человеческую храбрость. Французы называют это «стап» (отвага) и «*élan vital*» (жизненный порыв). В военной подготовке большой упор делался на воспитание воли к победе. Французская армия активно вооружалась своими высокотехнологичными *soixante-quinze* – 75-мм скорострельными полевыми пушками, однако пренебрегала гаубицами и тяжелой артиллерией в принципе, считая ее лишней в соответствии с доктриной наступления. Как покажут дальнейшие события, и 75-мм орудия, и отвага мало помогут в ходе войны, однако летом 1914 года Жоффри и большинство его коллег возлагали на них большие надежды.

Что касается анализа французами намерений Германии, разведчики из Второго бюро существенно недооценили общую силу немецкой армии, не догадываясь, что Мольтке выставит резервные формирования бок о бок с регулярными. Кроме того, по их расчетам, на Россию он должен был двинуть 22 дивизии, тогда как на самом деле он использовал только 11. Разведка правильно предугадала, что немцы попытаются окружить французскую армию, однако, недооценив численность немецких войск, сильно просчиталась с географическим размахом охвата. Согласно предположениям Второго бюро, немцы должны были срезать лишь угол Бельгии, а не пройти широким фронтом через всю страну. Жоффри рассчитывал, что, сосредоточив войска на севере и юге, Мольтке оголит центр, куда и ударит французская армия. Расчеты не оправдались.

Командующие с обеих сторон серьезно недооценивали противника. Подробные планы мобилизации и дислокации войск как таковые причиной конфликта 1914 года не стали, однако великие державы, возможно, куда меньше стремились бы к войне, если бы генеральные штабы признавали принципиальную слабость своих наступательных доктрин. Отчасти в этих заблуждениях повинен успех японцев в войне 1905 года. Из их победы над российскими пулеметами противоборствующие державы сделали вывод, что правильный боевой настрой поможет одержать верх над современными технологиями.

Восторженные британские патриоты в начале лета 1914 года планировали отметить в июне следующего года столетний юбилей битвы при Ватерлоо, намереваясь особо отпраздновать то, что уже целый век британская армия не проливает кровь в Западной Европе^[78]. Однако это не мешало строить осторожные планы насчет возобновления кровопролития. Британская и французская армии начали штабные переговоры в 1906 году, а годом позже Британия подписала соглашение с Россией. Однако у русских появился повод усомниться в лояльности своей новой союзницы, когда в 1912 году на британской верфи заложили для турков два линкора, грозящих серьезно пошатнуть господство царя на Черном море. На возмущение Санкт-Петербурга Министерство иностранных дел ответило, что не вправе вмешиваться в частные ком-

мерческие контракты. Тем временем британская военно-морская миссия оказывала поддержку турецкому флоту, а Лиман фон Сандерс обучал турецкую армию.

За ужином с Ллойдом Джорджем в 1908 году Бетман-Гольвег, распаляясь и размахивая руками, возмущался «железным кольцом», которое куют враги вокруг его страны: «Англия обнимается с Францией, заводит дружбу с Россией. Но ведь не на любви строится эта дружба, а на ненависти к Германии!»^[79] Бетман-Гольвег ошибался. В Антанту Англию привело не столько стремление заполучить Россию и Францию в союзники или партнеры против кайзера, сколько желание сократить число собственных врагов. Постепенно приходило понимание (по крайней мере в Уайтхолле), что огромная империя, которой так гордятся британцы, рискует превратиться из источника благосостояния в экономическую и стратегическую обузу. Противостояние российскому владычеству в Центральной Азии и связанная с ним «большая игра» требовали немалых усилий и средств. Конфронтация Британии с Францией в 1898 году в верховьях Нила (Фашодский кризис) обострила давнюю вражду и ревность. Поэтому в первое десятилетие XX века Антанта напоминала не трехсторонний союз, где Британия выступала бы активной и преданной участницей, а два параллельных процесса снижения напряженности между Англией и Россией и Англией и Францией.

Российский министр иностранных дел Сазонов прекрасно понимал, как необходима Британия его стране и Франции. 31 декабря 1913 года он писал: «Обе державы [Франция и Россия] вряд ли способны нанести Германии смертельный удар даже в случае успеха на поле боя, который тоже под большим вопросом. А вот участие Британии может оказаться для Германии роковым»^[80]. В этой связи министра иностранных дел возмущали «колебания и уклончивость» Лондона, которые он считал серьезной помехой политике сдерживания. Однако Британия по-прежнему относилась к России с прохладцей. Многим доблестным демократам претила мысль, что их страна будет связана с абсолютистской автократией или, что еще хуже, с ее балканскими протектами. В преддверии июльского кризиса 1914 года корреспондент *Le Figaro* Раймон Рекули столкнулся в дверях Министерства иностранных дел в Париже с британским послом сэром Фрэнсисом Берти. Посол, получивший среди коллег прозвище Бык, какое-то время сокрушался о состоянии Европы, затем спросил: «Вы доверяете русским? Мы нет, ни капли! Да и сербам тоже. Поэтому нашей стране не с руки влезать в драку, в которой замешаны русские и сербы»^[81]. Кроме того, многие британцы, особенно старшее поколение, не особенно одобряли перспективу участия в конфликте на стороне Франции. Лорд Розбери еще в 1904 году, когда его коллеги-консерваторы радовались созданию Антанты, бросил в сердцах: «Вы все заблуждаетесь. Это закончится войной с Германией!»^[82] Пожилая леди Лондсборо, внучатая племянница Веллингтона, в разговоре с Осбертом Сиуэллом в 1914 году сказала: «Я больше боюсь не немцев, а французов!»^[83]

Недоверие было взаимным. Президентом Пуанкаре в стремлении как можно скорее упрочить военный союз с Россией двигал прежде всего страх, что Британии в нужный момент не окажется рядом. В отличие от Франции с Россией, Британия никаких тайных двусторонних соглашений, обязывающих ее поддержать остальных в случае удара, не подписывала, лишь на словах обещая помощь и участвуя в переговорах военных и военно-морских штабов. Обсуждение возможной отправки экспедиционных войск во Францию началось в декабре 1908 года. После этого на заседании подкомиссии Комитета обороны империи 23 августа 1911 года, где присутствовали Асквит и Черчилль, всесторонне обсуждалась вероятность вмешательства Британии в случае развязывания войны в Европе. Согласно предположению одного современного историка, это заседание и «подготовило почву для вооруженной конфронтации между Британией и Германией». На самом деле это сильное преувеличение: Асквиту ли было не знать, как тяжело будет уговорить свою собственную партию и парламент одобрить участие в европейском конфликте?

После заседания комитета премьер-министр писал недовольно, что «все политические вопросы оставались и должны оставаться в ведении Кабинета, они находятся вне компетенции военного и военно-морского командования». Генри Вильсон – старший офицер британского штаба – возмущался: «Пока никаких окончательных соглашений с Францией о совместных военных действиях нет, есть только очень неохотное согласие, данное Генеральному штабу правительством, насчет дальнейшего сотрудничества»^[84]. Примерно так дело и обстояло. Заместитель министра иностранных дел сэр Артур Николсон напомнил министру в августе 1914 года: «Вы раз за разом обещаете месье Камбону [французскому послу], что в случае агрессии со стороны Германии вступитесь за Францию»^[85]. Ответ Грея подтверждает, что французы не зря подозревали англосаксов в двуличии: «Да, но мы ничего не подписывали».

Один из недавних исследователей этого периода предположил, что министры и генералы Асквита после заседания 1911 года занялись «активной подготовкой к войне»^[86]. Какие-то предупредительные меры и планы на случай войны действительно имели место: например, резервирование под госпиталь экзаменационного колледжа Оксфордского университета. Однако назвать эту подготовку активной было бы преувеличением. Британская политика на этапе становления Антанты (это проявилось и в общем настрое на заседании Комитета обороны в 1911 году) озадачивала тем, что правительство, признавая возможность участия в войне на Континенте, собиралось выставить для этих целей несоразмерно маленькую армию. Уинстон Черчилль писал впоследствии, что в 1890-х годах, когда он был еще молодым офицером кавалерии, его и других военных сильно беспокоила незначительность британской армии по сравнению с континентальными: «Ни один ура-патриот, ни один воинствующий штабист... даже в запале не допускал мысли, что наши крошечные войска снова пошлют в Европу»^[87]. Через 15 лет, несмотря на проведенную Холдейном реформу, британская армия все равно оставалась мизерной по континентальным меркам. Военный бюджет 1913 года никоим образом не отражал предполагаемой ведущей роли Британии в разрешении европейского конфликта. Экспедиционные войска получили такое расплывчатое наименование именно потому, что никто не знал, где именно за рубежом им придется воевать – в Индии, в Африке или на Ближнем Востоке.

Вновь проявилась традиционная и нелепейшая британская твердолобость, повторяющаяся из века в век, не исключая и XXI столетие: в знак серьезности благих намерений снаряжается небольшое войско, словно не замечая, сколь оно несоразмерно решаемым задачам. С 1907 года лорд Нортклифф ратовал в своей *Daily Mail* за всеобщий призыв, чтобы создать достойную масштабам империи армию, однако его кампания не встретила поддержки. Главным образом правительство Асквита (конкретно министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея) винили в том, что проводимая им политика явно признавала, что Британия не останется в стороне в случае общеевропейского конфликта, поскольку владычество Германии на Континенте было недопустимо, однако практических мер для участия в подобной схватке не предпринималось.

Грея обычно изображают мягким, сдержанным человеком, который в 1914 году с несвойственным ему красноречием сокрушался о наступлении войны, а в мирное время писал отличные пособия по наблюдению за птицами и рыбалке нахлыстом. 52-летний вдовец вел на самом деле гораздо более насыщенную личную жизнь, чем предполагало большинство современников. Он был не чужд амурных походов, хоть и скрывал их лучше своего коллеги Ллойда Джорджа: по данным последнего биографа Грея, у него имелось двое незаконнорожденных детей^[88]. Некоторые современники его презирали. Сэр Айра Кроу, несдержанный на язык чиновник Министерства иностранных дел, называл Грея «никчемным слабыком и недоумком». Ллойда Джорджа вечная замкнутость министра заставила предположить, что сказать тому особенно нечего и немногословность в данном случае – признак слабости характера. Грей не знал иностранных языков и терпеть не мог границу. Несмотря на образованность, он был человеком ограниченным, с резкими перепадами настроения.

Тем не менее с 1905 по 1916 год он безраздельно властвовал в британской внешней политике. Ллойд Джордж писал: «За восемь предвоенных лет Кабинет смехотворно мало времени уделял внешнеполитическим вопросам»^[89]. Отношение правительства Асквита к происходящему за рубежом и к европейским державам отдавало чудовищным высокомерием, особенно возмущавшим немцев. Французский посол в Лондоне Поль Камбон заметил саркастически, что нет для англичанина большего удовольствия, чем обнаружить, что интересы Англии совпадают с интересами человечества: «А если совпадения не наблюдается, он всеми силами создает его сам». На званом ужине, где присутствовали несколько представителей правительства, лорд Нортклифф с презрительной усмешкой оборонил, что редакторы британских газет куда лучше осведомлены о положении дел за рубежом, чем любой министр Кабинета^[90]. Канцлер отозвался о министре иностранных дел так: «Сэр Эдуард Грей принадлежит к тому классу, который по традиции считает себя вправе облачиться в судейскую мантию и оценивать своих собратьев, но который едва ли найдет возможность поинтересоваться проблемами и испытаниями, стоящими перед человечеством»^[91].

Издевка достаточно едкая, однако и Генри Вильсон после бесед с министрами в 1911 году о сценариях конфликта писал, что не впечатлен «тем, как Грей и Холдейн [тогдашний военный министр] владеют ситуацией, – Грей из них двоих наиболее невежествен и беспечен, он не только не представляет себе, что такое война, но шокировал меня тем, что, кажется, и не хочет представлять... невежественный, напыщенный мямля, которому нельзя занимать пост министра иностранных дел никакой страны крупнее Португалии»^[92]. Бернард Шоу с ненавистью называл Грея «помещиком от корней волос до кончиков ногтей... склонным к подлости»^[93]. Такой оценки он удостоился после неоправданно жестокой расправы в 1906 году британских властей над жителями египетского селения Деншавай, осмелившимися перечить устроившим голубиную охоту офицерам.

Даже если в чем-то Шоу и преувеличивал, тайная дипломатия Грея действительно отдавала заносчивостью – как и вся британская внешняя политика в то время. В августе 1904 года лорд Перси от лица тогдашнего консервативного правительства ответил с патрицианским высокомерием на вопрос палаты общин о только что подписанном англо-французском договоре: «Прерогатива народа – строить домыслы насчет существования секретных пунктов в международных соглашениях, дело правительства – поддерживать эту прерогативу своим молчанием». Однако 5 сентября 1911 года Асквит написал Грею, предупреждая, чем чреват разрешенный министром иностранных дел диалог между британским и французским генеральными штабами: «Мой дорогой Грей, переговоры, подобные тем, что ведутся между генералом Жоффром и полковником Фэрхомом, кажутся мне довольно опасными, особенно в той части, которая касается оказания помощи со стороны Британии. В нынешних обстоятельствах не стоит давать французам почву для подобных планов. Всегда ваш, Г. Г. А.»

Тем не менее премьер-министр фактически выдал Грею карт-бланш на внешнюю политику, добавив этот просчет к немалому числу проблем в политике внутренней. Министр иностранных дел давал Франции обещания поддержки в случае войны без оглядки на Кабинет и на палату общин – поведение, немыслимое по современным и даже по тогдашним представлениям о демократии: ничего подобного далее не случалось вплоть до англо-французского сговора 1956 года о совместном вторжении в Египет. Грей действовал тайком, поскольку знал, что парламентского одобрения он не добьется. Во время июльского кризиса его личное желание, чтобы Британия сражалась на стороне Франции, перевесило мнение народа и большинства коллег по правительству.

Трудно, однако, согласиться с теми, кто причисляет Грея к основным виновникам войны по причине того, что он либо слишком многое скрывал от британцев в последние мирные годы, либо не сумел дать четко понять Берлину, что Британия не собирается соблюдать нейтралитет. Германия, следуя в 1914 году намеченным планам, не рассматривала возможность британской

интервенции всерьез и нисколько не опасалась презираемой ею крошечной армии. Возможные экономические последствия (Британии, обладающей абсолютным мировым господством в торговом мореплавании, ничего не стоило устроить коммерческую блокаду) Германию не пугали, поскольку она рассчитывала на молниеносную победу. Маловероятно, что какие-либо политические решения, принятые правительством Асквита, помогли бы избежать войны в 1914 году, но другой министр иностранных дел мог бы желать участия в ней Британии гораздо меньше.

Планируемые экспедиционные войска предполагалось хорошо вооружить и экипировать, однако их малочисленность отражала нежелание тратить большие деньги на сухопутную армию, когда четверть государственных расходов уходила на военно-морской флот. Генри Вильсон, руководивший военными операциями с 1910 по 1914 год, называл британские войска «наша смешная маленькая армия» и с презрением говорил, что нет такой военной проблемы на Континенте, на которую Британия могла бы ответить своими шестью дивизиями^[94]. Однако увеличивать армию правительство не собиралось, и народ его мнение поддерживал. Британцы холили и лелеяли прежде всего флот – по сравнению с флотом и регулярная, и территориальная (резервистская) армии были недоукомплектованы, тем более что глубинка и Уэльс отличались особенной нелюбовью к военной службе.

Вильсон играл ведущую роль в военном сближении с Францией (гораздо более тесном, чем хотелось бы генералам и чем предполагал Кабинет). Блестящий оратор, склонный тем не менее к безрассудству и просчетам, он поступил в военную академию лишь с шестой попытки. Вильсон долго ратовал за всеобщий призыв, называя добровольцев территориальной армии «самыми большими патриотами Англии, поскольку они хотя бы не сидят сложа руки»^[95]. В 1910 году, будучи преподавателем штабного колледжа, он уверял, что война в Европе неизбежна, и единственный благоразумный выход для Британии видел в союзе с Францией против Германии. Когда один из курсантов попытался возразить, что повергнуть в войну всю Европу «способна лишь необъяснимая глупость властей», Вильсон разразился хохотом: «Ха-ха-ха! Именно так, необъяснимая глупость нас и ждет!»^[96] Лорд Эшер писал впоследствии, что после лекций Вильсона курсанты возвращались в свои соединения, «убежденные в неизбежности [военного] катаклизма»^[97]. Премьер-министр характеризовал его Венеции Стэнли как «язвительного, но умного злодея», который в общем и целом прав^[98]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания и ссылки на источники цитат

- 1.**
Jeffrey, Keith Field Marshal Sir Henry Wilson: A Political Soldier OUP 2006 p. 80
- 2.**
Gide, André Journals 1914–27 trans. Justin O'Brien Secker & Warburg 1948 p. 48
- 3.**
Knox, Sir Alfred With the Russian Army Hutchinson 1921 Vol. I p. 45
- 4.**
Spears, Edward Liaison 1914 p. vii
- 5.**
Brenda Horsfield The Listener 20.1.72
- 6.**
McMeekin, Sean The Russian Origins of the First World War Belknap, 2011 p. 5
- 7.**
Spears p. 9
- 8.**
Morton, Frederic Thunder at Twilight NY 1989 p. 92
- 9.**
Steed, Wickham The Hapsburg Monarchy Constable 1913 p. 282
- 10.**
Đurič, Silvija and Stevanović, Vidosav (eds) Golgota i vaskrs Srbije, 1914–1915 Beograd 1990 3rd edn p. 242 diary of Jovan Žujović
- 11.**
Dedijer, Vladimir The Road to Sarajevo MacGibbon & Kee 1967 p. 10
- 12.**
Dirr, P. (ed.) Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch, Munich, Berlin 1922 pp. 114–15
- 13.**
Hopman, Albert Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 ed. Epkenhans, Michael Munich Oldenbourg 2004 p. 380
- 14.**
Ransome p. 166
- 15.**
Mihaly, Jo ... da gibt's ein Wiedersehn! Kriegstagebuch eines Mädchens 1914–1918 Freiburg F. H. Kerle 1982 p. 26 5.8.14

16.

Mitrovic, Andrej Serbia's Great War Hurst 2007 p. 13

17.

Churchill, Winston The Great War George Newnes 1933–34

18.

Pound, Reginald The Lost Generation Constable 1964 p. 12

19.

Masterman, Charles The Condition of England London 1909 p. 74

20.

Lang, Carl von Die Lage auf dem Balkan in: Danzer's Armee-Zeitung 19 (1914) № 1 / 2 pp. 10–11

21.

Churchill, My Early Life p. 67

22.

BNA FO371 / 1374 Russell dispatch

23.

Seligmann Naval Intelligence p. 535

24.

Hirschfeld Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial – und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs
Essen Klartext 1997 pp. 330–1

25.

Clark, Christopher The Sleepwalkers Allen Lane 2012 p. 182

26.

Hopman p. 368

27.

ibid. p. 378

28.

Steinberg, Jonathan Bismarck: A Life OUP 2011 p. 458

29.

ibid. p. 479

30.

Seligmann Naval Intelligence p. 528

31.

ibid. p. 545

32.

H. H. Asquith Letters to Venetia Stanley ed. Michael and Eleanor Brock OUP 1982 14.6.14 p. 86

33.

Rohl, John C. The Kaiser and His Court CUP 1994 p. 175

34.

Stone, Norman The Eastern Front Hodder & Stoughton 1975 p. 71

35.

Morton p. 19

36.

Steed p. 202

37.

Lieven, D. C. B. Russia and the Origins of the First World War NY St Martin's 1983 p. 46

38.

ibid. p. 128

39.

McMeekin p. 32

40.

The Lady 27.8.14

41.

Lieven p. 65

42.

ibid. p. 15

43.

ibid. p. 23

44.

ibid. p. 21

45.

Knox p. 37

46.

Joffre, Joseph Jacques Césaire The Memoirs of Marshal Joffre trans. Col T Bentley Mott Bles 1931 p. 59

47.

Lieven p. 113

48.

NV 1 / 14.6.08 p. 3

49.

Lieven p. 41

50.

ibid. p. 42

51.

Vivian, Herbert Servia: The Poor Man's Paradise Longmans 1897 p. vi

52.

Reed, John The War in Eastern Europe London Eveleigh Nash 1916 p. 53

53.

ibid. p. 3

54.

Becker Guerre p. 47

55.

ibid. p. 21

56.

Minaudier, Jean-Pierre Population et Société de 1850 à 1914 Lycée La Bruyère, Versailles 2004 p. 4

57.

ibid. p. 7

58.

ibid. p. 2

59.

Becker Guerre pp. 52–3

60.

Dangerfield, George The Strange Death of Liberal England Constable 1935 p. 211

61.

Montague, C. E. Rough Justice Chatto & Windus 1926 p. 49

62.

Dangerfield p. 242

63.

Wilson, Henry diary 23.3.14

64.

Jenkins, Roy Asquith Collins 1964 p. 52

65.

Dangerfield p. 17

66.

ibid. p. 49

67.

ibid. p. 79

68.

ibid. p. 322

69.

ibid. p. 281

70.

Mombauer, Annika Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War CUP 2000 p. 50

71.

Herwig War p. 45

72.

Churchill World Crisis Vol. I p. 154

73.

Zeynek, Theodor Ritter von Ein Offizier im Generalstabskorps erinnert sich. Broucek, Peter (ed.) Vienna, Cologne, Weimar 2009 p. 47

74.

Bihl, Wolfdieter Der Erste Weltkrieg 1914–1918. Chronik – Daten – Fakten Wien Böhlau 2010 pp. 61–2

75.

Rohl pp. 162–3

76.

see ibid. passim

77.

Wilson, Keith (ed.) Decisions for War 1914 UCL Press 1995 p. 44

78.

Becker Guerre p. 55

79.

Lloyd George, David War Memoirs Vol. I Ivor Nicholson & Watson 1933 p. 30

80.

Lieven p. 48

81.

Recouly p. 104

82.

Lloyd George Vol. I p. 1

83.

Sitwell, Osbert Great Morning Macmillan 1948 p. 297

84.

Jeffrey p. 97

85.

Clark p. 213

86.

ibid. p. 211

87.

My Early Life p. 66

88.

Waterhouse, Michael Edwardian Requiem Biteback 2013 passim

89.

Lloyd George Vol. I p. 46

90.

ibid. p. 48

91.

ibid. p. 97

92.

Henry Wilson diary 9.8.11

93.

Holroyd, Michael Bernard Shaw Chatto & Windus 1997 p. 450

94.

Henry Wilson diary 22.11.13

95.

Jeffrey p. 76

96.

ibid. p. 80

97.

ibid. p. 84

98.

Asquith to Stanley 20.12.14